

ПСИХОЛОГИЯ – НА СЛУЖБЕ У ЮРИСТА

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ:

ИЗБРАННЫЕ ЛЕКЦИИ

Москва, 2006

В издании представлены лекции, которые проф. А.Ю. Панасюк читал в течение последних 15 лет в Российской правовой академии и Российской академии правосудия в авторском курсе «Психология профессиональной коммуникации судьи». В ходе диалога с судьями автор показывает пути решения тех психологических проблем, с которыми судьи сталкиваются в зале судебного заседания, у себя в кабинете в время приема граждан, при общении с персоналом суда.

Для судей, кандидатов в судьи, студентов юридических вузов и всех интересующихся вопросами профессиональной коммуникации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. ПСИХОЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ У СУДЬИ

ЛЕКЦИЯ 1. «СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»:
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

1.1. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: СТРУКТУРА, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*1.2. СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, СТРУКТУРА, РОЛЬ
ПСИХОЛОГИИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ*

ЛЕКЦИЯ 2. ЗНАНИЕ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА – ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЬИ

2.1. ЧТОБЫ ЖИТЬ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО...

2.2. ЧЕМУ УЧИТ «ЭТА» ПСИХОЛОГИЯ?

2.3. ОБОЙДЕМСЯ И БЕЗ ПУДА СОЛИ

2.4. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

ЧАСТЬ 2. СУДЬЯ В ЗАЛЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ЛЕКЦИЯ 3. СЛЕДОВАТЬ ЛИ СУДЬЕ ЗАПОВЕДИ «НЕ СУДИТЕ, ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ»?

ЛЕКЦИЯ 4. СУДИТЬ ПО СОВЕСТИ ИЛИ ПО ЗАКОНУ?

ЛЕКЦИЯ 5. СУДЬЯ И КОНФЛИКТЫ В ЗАСЕДАНИИ: КАК ВЫЙТИ ДОСТОЙНО?

ЛЕКЦИЯ 6. «ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ» В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
УСТАНОВОК СУДЕЙ

6.1. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА, ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ УКЛОН

6.2. ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН «ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ УКЛОН» ГЛАЗАМИ СУДЬИ

6.3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА

6.4. СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СУДЕЙ (ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ)

6.5. СОПОСТАВЛЕНИЕ УСТАНОВОК СУДЕЙ С УСТАНОВКАМИ ПРОКУРОРОВ АДВОКАТОВ

6.6. *Обвинительный уклон у судей: "норма" или "патология"?*

ЛЕКЦИЯ 7. ВЕЛИЧАТЬ ЛИ ПОДСУДИМОГО ПО ИМЕНИ-ОТЧЕСТВУ?

7.1. *Есть ли проблема?*

7.2. *О психологическом приеме «Имя собственное»*

7.3. *Зачем людей располагают к себе?*

7.4. *Какие «процессуальные фигуры» можно называть по имени-отчеству?*

7.5. *Каков к.п.д., Ваша честь?*

ЛЕКЦИЯ 8. КОМУ ПЕРЕДАТЬ НА ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА? (Об одном стереотипе судебных решений)

ЧАСТЬ 3. СУДЬЯ ВНЕ ЗАЛА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ЛЕКЦИЯ 9. УЧИМСЯ ОПРЕДЕЛЯТЬ ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА

ЧЕЛОВЕКА ПО ЕГО ВНЕШНЕМ ВИДУ (ГАБИТУСУ)

9.1. *ПРЕАМБУЛА*

9.2. *ПСИХОФИЗИОГНОМИКА – НАУКА О СВЯЗИ КОНСТИТУЦИИ ЧЕЛОВЕКА С ОСОБЕННОСТЯМИ ЕГО ПСИХИКИ*

9.2.1. *СВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ РОСТА С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА*

9.2.2. *О КАКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПСИХИКИ ВАМ РАССКАЖЕТ ПОЛНОТА ЧЕЛОВЕКА*

9.2.3. *ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОСАНКИ*

9.2.4. *ВЫБИРАЕМ ТАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ*

9.3. *ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА О СВЯЗИ СВОЙСТВ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА С ВЫБИРАЕМОЙ ИМ ПРИЧЕСКОЙ*

9.4. *ХАРАКТЕР ОДЕЖДЫ СОБЕСЕДНИКА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПСИХИКИ*

9.4.1. *ОДЕЖДА КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОПРЕДЕЛЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЕ*

9.4.2. *ОДЕЖДА КАК КРИТЕРИЙ ОТНОШЕНИЯ К ДАННОЙ ВСТРЕЧЕ*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЛЕКЦИЯ 10. ПРИЕМ ГРАЖДАН ПО ЖАЛОБАМ

10.1. ВЫРАБОТАЕМ СТРАТЕГИЮ ПОВЕДЕНИЯ

10.2. ТАКТИКА ПОВЕДЕНИЯ НА ПРИЕМЕ

10.2.1. «ПЕРО И БУМАГА»

10.2.2. СЕЛЕКЦИЯ ЖАЛОБ

10.2.3. УДОВЛЕТВОРИТЬ ЖАЛОБУ ИЛИ УДОВЛЕТВОРИТЬ ПОСЕТИТЕЛЯ?

ПРИЛОЖЕНИЕ

О КНИГАХ АВТОРА (и о том, как их можно приобрести)

О ПРОГРАММАХ ОБУЧЕНИЯ (и о том, как можно пройти такое обучение у Вашего покорного слуги)

ВВЕДЕНИЕ

Среди многообразия средств реализации функций судьи одним из основных является *коммуникация* - общение судьи с разными категориями людей. Невозможно представить себе деятельность судьи (во всем многообразии ее форм) без общения, которое является и инструментом воздействия на людей, и инструментом получения или передачи информации, что и составляет основные цели коммуникации судьи.

Отсюда эффективность профессиональной деятельности судьи определяется – не в последнюю очередь – и эффективностью общения судьи с теми или иными участниками судебного разбирательства, с посетителями, коллегами и другими официальными лицами.

В свою очередь эффективность коммуникации не в последнюю очередь определяется знаниями об определенных коммуникативных приемах и умениями владеть ими. И именно этому посвящены многие из представленных здесь лекций.

С другой стороны, даже блестящее владение приемам общения будет не очень эффективным, если судья не будет разбираться в людях, не будет знать в каждом конкретном случае с кем он имеет дело, что за человек перед ним, какова система его ценностей, каковы особенности его характера, его темперамента. Ибо чтобы эффективно управлять каким-либо объектом, в том числе и человеком, необходимо знать этот объект, а применительно к человеку – необходимо располагать психодиагностической информацией о его менталитете. Конечно, можно было бы обратиться к психологам-тестологам, но не всегда такая возможность имеется. Есть более простой путь – путь овладения элементами дистанционной психологической диагностики. Одна из представленных здесь лекций посвящена описанию некоторых

психотехник определения менталитета по габитусу – элементам внешнего вида человека.

С сожалением следует констатировать, что в стандартизированном курсе «Юридической психологии» пока еще нет места ни описанию психотехнологий и психотехник профессиональной коммуникации (конкретным приемам формирования аттракции, конкретным приемам воздействия), ни – тем более – психотехникам дистанционной диагностики.

Именно поэтому автор из всего курса выбрал именно эти лекции, полагая, что другим проблемам читателя обучали или будут обучать в стандартизированном курсе. Отсюда, данный сборник лекций не претендует на охват всех теоретических и практических аспектов судебной психологии.

Поэтому включив в первую часть две теоретические лекции – о структуре судебной психологии и о роли психологии в профессиональной деятельности, автор во второй и в третьей части сосредоточил свое внимание на решение сугубо практических проблем, с которыми судьи сталкиваются либо в зале судебного заседания, либо в собственном кабинете. Проводя психологические консультации судей, автор не понаслышке знает об этих проблемах, равно как и о результативности их решения с помощью достижений современной психологической науки – как отечественной, так и зарубежной. И подобная консультационная практика явилась фундаментом для разработки многих представленных здесь лекций для судей, за что автор им благодарен.

ЧАСТЬ 1. ПСИХОЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ У СУДЬИ

ЛЕКЦИЯ 1. «СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

1.1. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: СТРУКТУРА, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Термин «юридическая психология» в отечественной психологии пока еще не имеет однозначного определения, структуры, содержания (см., например, работы В.Л. Васильева «Юридическая психология», М.: 1991; М.И. Еникеева «Общая и юридическая психология», М.: 1996 и др.).

Есть основание полагать, что ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ - это раздел психологической науки в приложении к теории и практике юриспруденции - правосудию, судопроизводству, иным областям, входящим в указанную сферу (пенитенциарная система, нотариат, и др.).

Отсюда в структуру юридической психологии входят (см. схему на стр. 6) *судебная психология, пенитенциарная психология*, а также – хотя это и нарушает сложившееся представление о системе юстиции – *психология предварительного расследования (дознания), психология оперативно-розыскной деятельности*.

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ – раздел психологии применимый к сфере правовых отношений. В ней выделяются: психология гражданско-правовых отношений, психология уголовно-правовых отношений, психология развития и формирования правосознания, психология преступности, как социальное явление, психология противоправного поведения, психология несовершеннолетних правонарушителей и др.

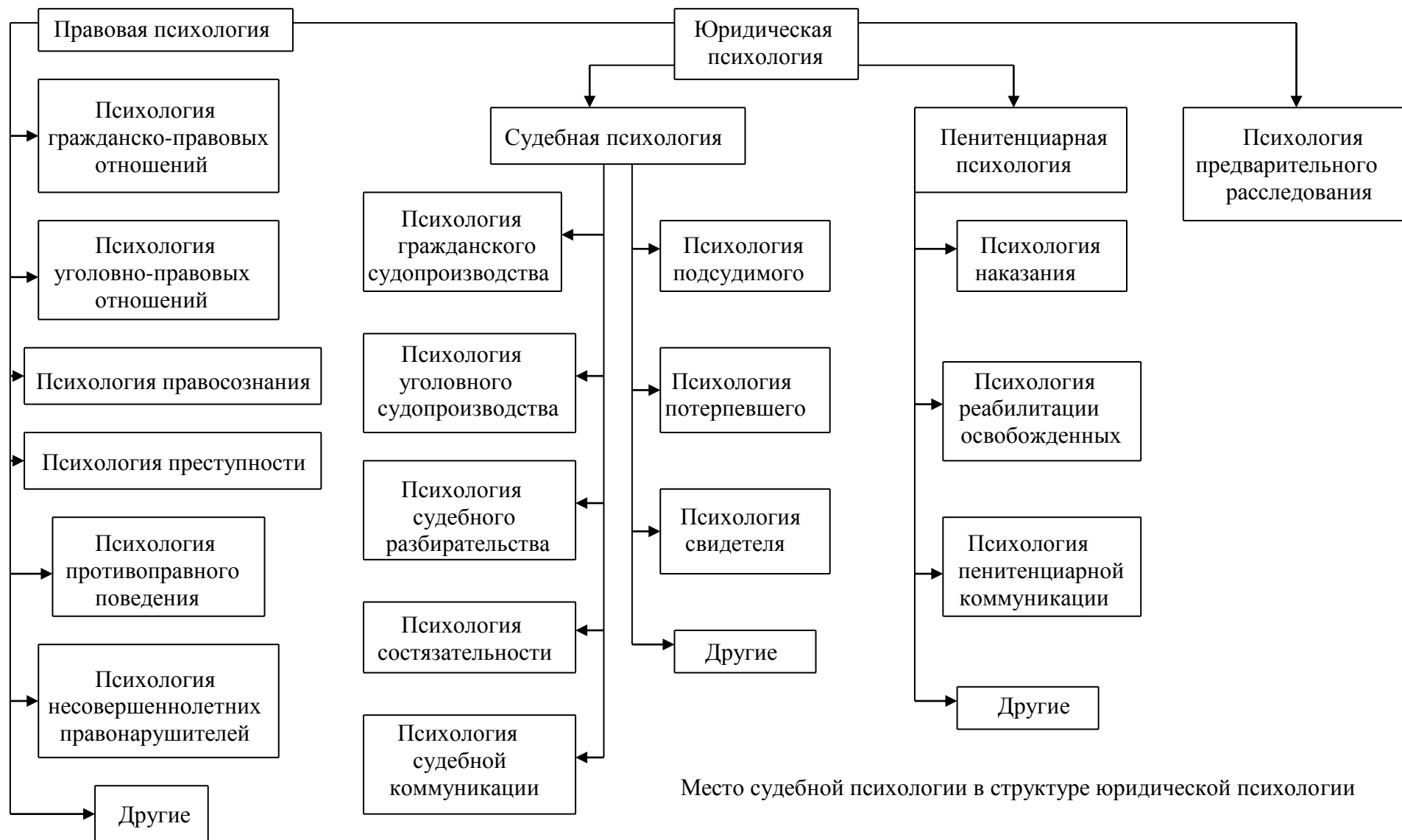
Цель правовой психологии: изучение правовых отношений в зависимости от видов деятельности, возрастных, половых, социальных, этнических, других особенностей субъектов правовых отношений.

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ - раздел юридической психологии в приложении к теории и практике судоустройства, судопроизводства. В соответствии со сферой приложения выделяются: психология гражданского судопроизводства, психология уголовного судопроизводства, психология судебного разбирательства, психология состязательности в суде, психология подсудимого, психология потерпевших, психология свидетеля и др.

Задачи судебной психологии: повысить эффективность судебной практики через участие психологов в формировании судейского корпуса (психологический отбор, психологическая подготовка), организации психологического консультирования, проведения судебно-психологической экспертизы.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ – раздел психологии в приложении к теории и практике системы исполнения наказаний, назначенных судом. Выделяют: психологию наказания, психологию ресоциализации отбывших наказания, психологию взаимодействия в системе ИТУ.

Цель пенитенциарной психологии: средствами психологической науки повысить эффективность пенитенциарной системы.

*1.2. СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, СТРУКТУРА, РОЛЬ ПСИХОЛОГИИ
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ*

Психологическая наука в целом и судебная психология в частности призваны создать психологическое обеспечение судебной практики в вопросах как судоустройства, так и судопроизводства.

Ниже представлены те основные направления развития судебной психологии, в которых психологическая наука могла бы внести существенный вклад в повышение эффективности судебной практики.

1. Использование достижений психологической науки в **формировании судейского корпуса**

Цель: обеспечить заинтересованные ведомства психодиагностическими автономными системами для медико-психологического отбора как кандидатов в судьи, так и студентов старших курсов, выбравших специализацию в области судебной деятельности.

Основные задачи:

- 1) Разработка *методологии* создания психодиагностических систем для отбора кандидатов.
- 2) Разработка *методического аппарата* (психодиагностической системы) для отбора кандидатов¹.

2. Использование достижений психологической науки в **подготовке и переподготовке судейских кадров**

Цель: обучение специальным психотехникам эффективного взаимодействия судей с людьми и эффективной саморегуляции в конфликтногенных ситуациях как практикующих судей, так и будущих судей – кандидатов и студентов, специализирующихся в области судопроизводства.

Основные задачи данного направления:

- 1) Подготовка судейских кадров в *юридических вузах*.
 - а) Психологическое обоснование необходимости ранней специализации студентов

¹ В Российской правовой академии подобная психодиагностическая система была разработана в 2001 году.

юридических вузов для работы в судебной системе.

б) Разработка спецкурса "Психология судебной деятельности" для студентов.

2) Подготовка судейских кадров в *системе повышения квалификации*.

а) Психологическое обоснование необходимости специальной психологической подготовки кандидатов на должность судьи среди лиц с юридическим образованием.

б) Разработка спецкурса «Психология судебной деятельности» для кандидатов в судьи.

3) Психологическое обеспечение переподготовки *практикующих судей*.

а) Разработка курса «Психология профессиональной коммуникации судьи».

б) Разработка курса «Психотехнология саморегуляции судьи в конфликтногенных ситуациях».

в) Разработка курса по психологии управления для руководителей (председателей) судов.

3. Использование достижений психологической науки в организация **индивидуального психологического консультирования** судебных работников.

1) Психологическое обоснование *необходимости* введения в штаты соответствующих судебных департаментов и в крупные суды *должности психолога-консультанта*.

2) Разработка методологии и методик индивидуального *психологического консультирования* судебных работников.

3) Психологическое обоснование необходимости привлечения психологов для разрешения конфликтных ситуаций в *системе квалификационных коллегий*.

4. Участие психологических служб в проведении **судебно-психологической экспертизы**.

Хотя представленный перечень основных направлений судебной психологии не является исчерпывающим, однако, как представляется, без его составления и без координации действий всех заинтересованных психологических организаций и служб развитие судебной психологии не будет респондировать с новациями судебной реформы в стране.

В заключении следует отметить, что представленный выше перечень проблем, разрешение которых можно было бы достигнуть с помощью психологической науки, приложим не только

судебной психологии, но и – с небольшой коррекцией – к другим разделам и подразделам юридической психологии.

ЛЕКЦИЯ 2. ЗНАНИЕ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА – ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЬИ

2.1. ЧТОБЫ ЖИТЬ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО...

Из диалога психолога с судьями²:

- Ваша честь, *мне, как профессиональному психологу*, хотелось бы для начала узнать Ваше мнение по следующему вопросу: нужно ли сегодня практикующему судье (я подчеркиваю практикующему) садиться за парту, чтобы изучать психологию?

- Вообще-то учиться никогда не поздно. Только дело в том, профессор, что мы все собравшиеся перед Вами, юристы, а это значит, что эту самую психологию мы проходили в вузе еще...

- Ну и как?

- Что как, как проходили-то?

- Да. Я хотел спросить, что у Вас осталось от той самой психологии, что Вы, образно говоря, имеете на своем рабочем столе, т.е. как Вы ее используете на практике?

- Так ведь сколько времени-то прошло уже...

- Понятно.

Вот примерно так разворачивается каждый раз диалог ведущего занятия по психологии с теми судьями, которые приехали в Академию на повышение квалификации.

И из этого краткого диалога сразу же делается первый вывод: поскольку «сколько времени-то прошло», то, значит, «на рабочем столе» судьи нет ничего такого из психологической науки, что можно было бы прямо использовать или в процессе, или при приеме граждан... Впрочем, вывод не ожидался, поскольку советская психология была сугубо теоретизированной («что называется

² Слушателями Российской академии правосудия.

памятью», «что называется мышлением», «что такое сознание»...). Не буду бросать камень упрека адрес моих коллег-психологов – их так учили, а не у всех в характере сопротивление догмам.

Но, с другой стороны, вот работают они – судьи – без практического использования знания науки психологии, и – ничего: никто не умирает от этого (слава Богу); отмены, если и бывают – пределах «нормы»; с работы из-за отсутствия практических знаний по той же психологии профессиональной коммуникации не увольняют... И получается, что можно в общем-то жить и без этой самой психологии?

Так-то оно так, только... только вот какое дело. Был я как-то на приеме у *знамого* судьи, но не как посетитель, а как психолог (требовалось изучение некоторых элементов коммуникации). И невольно стал свидетелем такой сценки: рассерженный кем-то посетитель, получив от судьи (судьей была молодая женщина) вполне законный категорический отказ на свою совершенно необоснованную просьбу, с раздражением высказал ей несколько неприятных слов, а затем вышел вон, хлопнув дверью. Желая как-то сгладить ситуацию, я хотел было успокоить судью, как вдруг услышал от нее: «Да пусть себе хлопает, меня это нисколько не волнует, ради Бога!».

Но то были слова. А на самом деле... на самом-то деле пульс у нее в этот момент был не 60 ударов в минуту, а определенно около ста (что было видно и по цвету ее лица); а если бы измерить у нее давление – точно не 120/80, как в спокойном состоянии, а все 150/100; а если бы взять у нее в этот момент кровь на анализ – там определенно адреналина было сверх всякой меры (о том мне и сказал не только цвет ее лица, но и тремор, другие паравербальные сигналы, читать которые учат врачи, и психологов). Короче, находилась она в микрострессовом состоянии, хотя и не ощущала это (ибо молодая была судья). А микростресс – это когда системы организма (сердечно-сосудистая, гормональная...) работают на «повышенных оборотах», с перегрузками. Но пока молодая – не чувствует она всего этого – и как давление подскочило, и как адреналин в кровь выбросило... пока не чувствует (вот отсюда и «меня не волнует»).

А теперь вопрос: что произойдет, если судья будет сталкиваться с подобными ситуациями (возмущенные реплики, хлопанье дверьми) достаточно часто («не раз в год, но через процесс бывает», говорили мне судьи)? Знаете ли, к чему это приведет?

И не надо быть специалистом в области медицины, чтобы знать: частые стрессовые состояния определенно ведут к возникновению психосоматических (психогенных) заболеваний. Если по-русски, то к сорока годам этой судье гипертония будет обеспечена; а если не гипертония, то язва желудка – это точно; а если и не язва, то стенокардия...

- Так ведь, в народе говорят, на каждый роток не накинешь платок; еще и не такие посетители бывают...

- Это верно, и не такие бывают... А вот в отношении «платка»... Как оказывается, не всякая народная мудрость является мудростью. Оказывается, можно и на каждый роток накинуть платок – только бы знать, где он лежит, этот «платок», да как его «накинуть». А если от аллегории перейти к действительности, то, оказывается, можно сделать так, чтобы тот посетитель вышел из кабинета, естественно, ни с чем (его просьба не обоснованная), но не только не проявлял бы недовольство судьей, но и еще даже *ей* сочувствовал («Господи, каково ей, бедной, вот так, каждый день, с каждым...»).

- Смеетесь, профессор, нереально все это. Не знаете Вы специфики нашей работы, если бы узнали...

- То, что я судьей не работал – это точно; и что всей специфики Вашей работы не знаю – тоже верно. Да и знаю-то я, как психолог, немного: всего лишь как понимать людей, да как управлять ими, как добиться, чтобы они делали так, а не иначе, или – не делали так, а делали иначе. Ибо только этому и учит психологическая наука (а уж если профессиональный психолог ею не владеет – не профессионал он тогда).

Так что, жить-то без психологии можно, только... получается, что себе дороже, для здоровья вредно. Нас всю жизнь учили: «Прежде думай о Родине, а потом о себе»; так, может быть, настало время, когда надо учиться думать и о себе? Ведь не так уж много найдется на земле людей, которые

Ваша честь, будут думать о Вас; ну может, самые близкие, да и то... не всегда. Так что учиться психологии – это еще и учиться заботиться о себе, а себя надо любить. Верно, без знания той же психологии профессионального общения Вас с работы не выгоняют (те, которые по должности должны «выгонять», – они сами *такую* психологию не знают); только, как мы потом узнаем, одно и той же рабочей цели можно достигнуть с разным расходом энергии и времени: владеешь специальными приемами (психотехнологиями, психотехниками) – значит быстрее и экономнее, а не владеешь – тогда буквально в поте лица своего будешь хлеб свой насущный добывать.

- Может быть Вы и правы, только что-то я не вижу тех, кто с этой Вашей психологией так легко бы работал.

- И это тоже верно. Ибо «эта» психология совсем не та, которую Вы проходили. «Эта» психология – если можно так сказать, «технологичная» психология, в центре которой обучение специальным приемам (психотехникам) работы с людьми. И «эта» психология, пришедшая к нам с Запада (когда перестали на нее вешать ярлык «буржуазной психологии»), еще не получила широкого распространения в нашей стране; вот почему Вы справедливо отмечаете, что еще не видели судей, которым «эта» психология помогала бы. Впрочем, Вы ведь не всех судей нашей страны знаете, верно? А я уже встречался с теми судьями, которые изучали «эту» психологию (еще в Российской правовой Академии).

- Ну и как?

- Ну как же я могу говорить о своей... скажем так: Академии. Спросите у них сами. Впрочем, есть и другой путь убедиться, насколько «эта» психология может помочь судье, может помочь Вам, Ваша честь – попробуйте если не прослушать весь этот курс судебной психологии, то прочитать эти материалы, которые написаны по тексту лекций.

- Вы бы лучше этому учили на студенческой скамье, а нам-то, может, уже и поздно...

- Во-первых, как известно, приобретать знания никогда не поздно... А что касается студентов юридических факультетов – тут Вы правы, их необходимо учить «такой» психологии.

что и делается, и не только в Российской академии правосудия, но и в других подобных учебных заведениях. А теперь даже прочитать об этом можно...

Вот и написал Ваш покорный слуга этот материал, а по сути – конспекты лекций - для того чтобы во время процесса или во время приема граждан Ваш пульс, Ваша честь, всегда оставался бы на уровне 60 уд. в мин., и чтобы давление от общения с людьми не поднималось, и чтобы... и чтобы Вы жили долго и счастливо. Вас устраивает такая перспектива? Меня – да, поскольку я все-таки имею некоторое представление о тех ситуациях, в которых оказывается Ваш организм, в которых оказываетесь Вы, Ваша честь (или окажетесь, если Вы пока студент, но предполагаете стать судьей).

А достичь всего этого вполне возможно, если... если научиться работать с людьми профессионально.

- А Вы что, полагаете, что я, судья, работаю непрофессионально?

- Абсолютно уверен, Ваша честь, что юриспруденцию Вы знаете на отличном уровне, профессионально владеете всеми ее техниками. Поэтому давайте я лучше поясню свою мысль на конкретном примере.

Недавно я был свидетелем автомобильной аварии; один человек был ранен. Как всегда собралась толпа зевак, ахают, охают... И почти у всех определенно пульс за 100 уд. в мин., давление – тоже выше нормы (вон одной женщине даже плохо стало от увиденного). И только у одного из присутствующих в этом отношении все было «штатно», у того, который, протиснувшись сквозь толпу, подошел к раненному, снял с себя галстук, наложил жгут на голень и... спокойно удалился. Догадались, кто это был? Верно, *профессионал*. Их, врачей-хирургов, в мединституте учили работать с людьми так, чтобы пульс врача всегда был бы 60 ударов в минуту, т.е. профессионально; а ту судью (мою знакомую) – увы, до того момента не учили работать с людьми профессионально, не учили думать о себе в том числе. А врачей учили, говорили, что работа врача – «это работа на износ», а посему надо беречь себя, защищать себя от стресса. А судья... - а у нее тоже работа «на износ», и не вина ее

том, что не учили вести себя в стрессовой ситуации, а беда. Вот и поможем в этой беде – научим работать с людьми эффективно

- и для себя, для своего здоровья,
- и, конечно, для дела, которому жизнь свою отдаете.

2.2. ЧЕМУ НАУЧИТ «ЭТА» ПСИХОЛОГИЯ

А научить судью психология может, как теперь понятно, только одному – технике эффективной работы с людьми. И что значит «эффективной» – тоже теперь знаем: беречь свои нервы – раз, экономить силы и время – два, и чтобы на работу – с удовольствием, и с работы домой – в хорошем настроении на радость домочадцам.

А научиться технике эффективной работы – это значит научиться двум вещам:

- 1) научиться буквально за считанные минуты разбираться в людях, т.е. научиться психодиагностике людей, и
- 2) научиться, в зависимости от того, что Вы узнали о человеке, управлять его поведение таким образом, чтобы достигать своих профессиональных целей, целей судьи.

Иначе говоря, вот два кита, на которых должна базироваться «эта», а теперь назовем ее *СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ*: технология психологической экспресс-диагностики человека, с которой имеете дело, и технология психологического воздействия на поведение этого человека.

А начать, конечно, следует с обучения тому, как за несколько минут общения с человеком узнать, что он из себя представляет, каковы его основные установки в жизни, что является ведущим в его характере, и т.п.

- Простите, но ведь это же невозможно – вот так, за несколько минут всё узнать о человеке!
- Извините, но я не говорил «всё».

- Да даже и не всё... Разве не гласит народная мудрость: «Чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли»? Ведь и в самом деле: чтобы познать человека, надо прожить с ним вместе много времени, разве не так?

- Так, если речь идет о непрофессионалах. А мы с Вами все-таки должны считать себя профессионалами (иначе, зачем и лекции читать, и книги писать).

Но, как оказывается, и к этому случаю подходит высказывание: «Не всякая народная мудрость является мудростью». И сейчас я Вам попробую это доказать.

2.3. ОБОЙДЕМЯ И БЕЗ ПУДА СОЛИ

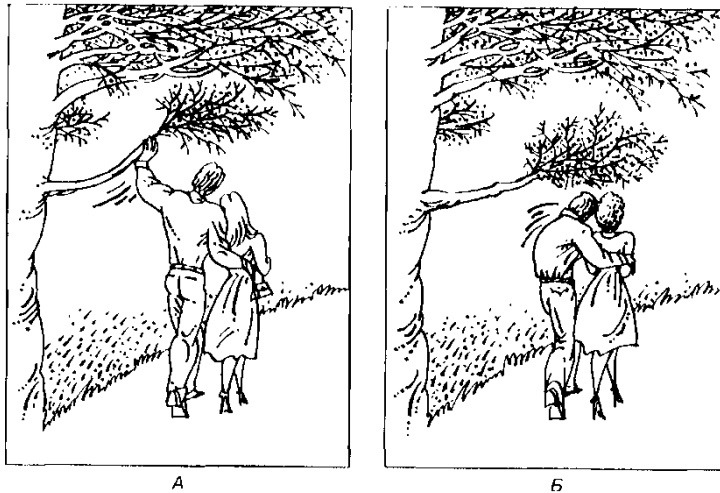

Рис. 1. К вопросу о пуде соли

Представьте солнечный летний день. Парк, тенистые аллеи. Люди гуляют по дорожкам этого парка (рис. 1). Понаблюдаем за ними. Вон там, видите, в середине аллеи ветка дерева свисает так низко, что для мужчины среднего роста пройти и не задеть ее невозможно. Давайте посмотрим, как люди проходят это место. Смотрите: вот идет парочка влюбленных — она и он, идут, о чем-то воркуют, и никого для них на свете не существует. Внимание: сейчас они приблизятся к этой ветке. Она-то пройдет и не заденет, а он... А он — смотрите — *не прерывая разговора* с ней, как б *машинально* приподнимает рукой над собой эту ветку (см. рис. А), и как ни в чем не бывало они идут дальше... Вот еще одна парочка, тоже увлечены друг другом и никого не видят и ничего не

слышат. Вот они приближаются к этой ветке... и он тоже *машинально, не прерывая разговор* пригнулся (см. рис. Б), и как ни в чем не бывало они пошли дальше.

Итак, один *автоматически* поднял ветку над собой, а другой — так же, *не задумываясь* — пригнулся...

Здесь следует обратить внимание на такую важную деталь: оба они совершили эти действия что называется, *автоматически, не задумываясь, машинально, не прерывая разговора*.

Ну то, что люди часто делают что-то машинально, — это не новость: машинально одевало на работу, машинально пропустил в дверях женщину, машинально включил свет, машинально ответил «Спасибо»... машинально приподнял ветку, машинально пригнулся... Все эти действия человека вырабатываются со временем: когда-то человек думал как это делать, а потом у него это автоматизировалось.

Интересно другое: почему у одного человека выработалось одно автоматическое движение (например, приподнять ветку), а у другого — иное (пригнуться под ней)?

— Да все очень просто: у одного такой характер, что он всегда стремится все препятствия убирать со своего пути, а другой старается эти препятствия обходить "стороной". И ничего здесь особенного нет!

— Верно, ничего особенного нет. Вы, как и большинство наших слушателей, правильно оценили характер этих поступков. Верно: раз они это делали не задумываясь (а так и было), значит проявляли выработанные со временем собственные реакции на препятствия: кто устраняет, а кто обходит. Так у них выработано. А значит, и в других жизненных эпизодах первый будет чаще устранять препятствия (если, конечно, возможно), точнее, будет стремиться именно к этому, второй, наоборот, чаще будет стремиться обойти препятствия. Не будем сейчас решать, какая из этих поведенческих стратегий лучше, про одного говорят: "Умный в гору не пойдет...", а про другого: "Смелость города берет".

Важен факт, что мы теперь знаем, как каждый из них *чаще* реагирует на препятствия. А это согласитесь, говорит о многом. Вот скажите, пожалуйста, из кого из них – при прочих равных условиях – скорее получился бы дипломат – из А или из Б?

Слушатели наших курсов, с которыми мы проигрывали эти ситуации, чуть ни в один голос говорили: «из Б».

- Прекрасно. А теперь скажите мне, кто из них скорее характеризуется как достаточно агрессивный, напористый человек – А или Б?

- Скорее А.

- Согласен. А скажите мне, пожалуйста, кому из них лучше бы пойти работать с детьми – А или Б?

- Ну... наверное... все-таки Б.

- И здесь психолог с Вами согласен. А скажите мне, пожалуйста,...

И я мог бы дальше ставить перед ними вопросы, и получать на них с достаточно высокой вероятностью достоверности ответы; все правильно, только сейчас для нас с Вами не это самое главное.

Главное: сколько времени мы их видели, чтобы узнать, о них, о такой важной характеристике человека, как его поведение при возникновении трудностей? Несколько секунд. Всего за несколько секунд мы узнали, как, вероятнее всего, каждый из них поведет себя при возникновении барьера, препятствия, трудностей; как говориться, «один – в гору, а другой – обход». «Вероятнее всего», ибо они на задумывались, как поступить с веткой, с возникшим почти неожиданно препятствием. Сработала автоматика, привычка (будем пока это назвать так, а позже узнаем, что скрывается за словами «машинально», «по привычке», «автоматически», «нераздумывая», «невольно» - *подсознание человека*). И не надо пуд соли съесть, чтобы узнать, что один из них скорее решительный, чем нерешительный, скорее уверенный, чем неуверенный, скорее у него нет комплекса неполноценности; а другой – скорее гибкий (не только в плане позвоночника) скорее осторожный, скорее не сторонник силовых решений (хотя физически развит).

- И это всё о них?

Вот так всегда! Сначала – «пуд соли надо съесть, чтобы узнать человека» – и это казалось нормальным, а теперь та же информация получена за несколько секунд – и мало. Верно, мало, если не уметь видеть, не уметь анализировать, не уметь выбирать *более* вероятностную оценку.

Но всему этому можно научиться, если знать, что скрывается за тем или иным действием, за тем или иным сказанным словом (и за несказанным), за... Кстати, Вы обратили внимание на спину второго человека? Нет? А напрасно, ибо в ней кроется ответ на вопрос: почему у него такая реакция на препятствия и как она возникла. Нет, патологии у него нет (в смысле заболевания спины), лишь плечи опущены вперед и внутрь. И это тоже о многом сообщает (тому, кто знает), как и тонкая кайма его верхней губы, как... Впрочем, остановимся. У неподготовленного читателя может легко сложиться мнение, что мы занимаемся гаданием.

- Да не важно, профессор, как это называется. Важно, а мы будем этому учиться – как распознавать человека – в этом курсе?

- Будем, но только не в курсе «Психология профессиональной коммуникации судьи», а в курсе «Дистанционная психодиагностика собеседника». А тем, кто не сможет прослушать данный курс, Ваш покорный слуга пишет книгу об этом³, а отдельные темы этого курса можно почерпнуть из написанной ранее книге «А что у него в подсознании? Двенадцать уроков по психотехнологии проникновения в подсознание собеседника».

2.4. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Психология нужна, чтобы работать с людьми профессионально.
2. «Профессионально» – значит не только всегда иметь пульс 60 уд. в мин., но и добиваться своей цели с меньшими энергетическими и временными тратами.
3. Психология может научить судью двум вещам:

³ Подробнее об этом см. на сайте www.pan-alex-u.ru

а) как за короткое время определить, что из себя представляет человек, с которым имеешь дело,

б) как с помощью этих знаний выбрать прием воздействия на этого человека – именно нужный из всего арсенала психологических приемов.

И все это – для достижения своих профессиональных целей при взаимодействии либо участниками процесса (общение с которыми далеко не во всем жестко регламентировано процессуальными нормами); либо с посетителями; либо – добавим теперь – с коллегами, которые тоже иногда приходится что-либо разъяснять; либо – если Вы председатель суда – с подчиненным в лице работников аппарата суда, с которыми тоже не всегда бывает гладко.

ЧАСТЬ 2. СУДЬЯ В ЗАЛЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Итак, Вы, Ваша честь, выходите из своего кабинета и направляетесь в зал судебного заседания, где Вы будете рассматривать..., т.е. судить – оценивать действия, поступки тех или иных людей в соответствии с теми или иными нормами (именно так в русском языке определяется термин «судить» применимо к судопроизводству). Только вот какой вопрос: а имеете ли Вы на это право?

- Простите, профессор, но это право мне дал Президент... Впрочем, а что Вы имеете в виду?

- А имею я в виду не документ, а заповедь «не судите, да не судимы будете». Но – все по порядку.

ЛЕКЦИЯ 3. СЛЕДОВАТЬ ЛИ СУДЬЕ ЗАПОВЕДИ «НЕ СУДИТЕ, ДА НЕ СУДИМИ БУДЕТЕ»?

Даже в те недалекие времена, когда Библия у нас была, что называется, под запретом, мы порой не подозревая того, нередко в обиходе цитировали те или иные места из нее, говорю например, «нет пророка в своем отечестве», «ищите и найдете», «неси крест свой» и — даже доходило до курьеза — на столе под стеклом у одного высокого партийного чиновника было изречение: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Злые языки даже утверждали, что «Моральный кодекс строителя коммунизма» был чуть ли не списан с Библии.

И это была почти полная правда, ибо Библия, а особенно четыре канонические книги Евангелия — не что иное, как своеобразный Кодекс поведения людей, до некоторых из статей которого мы даже в современную эпоху возрождения христианства в нашей стране еще и не доросли. Но, слава Богу, что мы уже достигли понимания самого принципа, положенного в основе христианских заповедей, — сделать человека лучше, чище, наконец — гуманнее, человечнее. Не труден и тернист путь к постижению вековых мудростей...

На одном из занятий по психологии профессиональной коммуникации судьи спрашиваю своих слушателей: есть ли смысл и им, судьям, следовать некоторым религиозным заповедям (например, «не укради», «не убий» и т.п.), и получаю практически единодушный утвердительный ответ.

- А скажите, пожалуйста, Ваша честь, знаете ли Вы Христову заповедь «Не судите, да не судимы будете»?

Большинство судей, как оказывалось, слышали об этом, правда, не все знали, что это из Евангелия от Матфея:

Не судите, да не судимы будете,
ибо каким судом судите,
таким будете судимы;
и какою мерою мерите,
такую и Вам будут мерить.
(7:1-2)

- А раз знаете и раз полагаете, что есть смысл следовать некоторым подобным заповедям, то может быть, и этой заповеди следовать?

И получаю практически такой же по единодушию, но уже отрицательный ответ, который на этот раз обязательно сопровождается примерно такой аргументацией:

— Во-первых, людей судить надо, ибо безнаказанность рождает новые преступления, а во-вторых, судить — это наша обязанность, наш профессиональный долг. Поэтому данная заповедь верна по отношению к любым другим людям, только не к тем, в чью обязанность входит судить.

Но тогда получается, что любая библейская заповедь — не всеобъемлющая ценность. Может распространяться не на всех людей? А от этой мысли в общем-то один шаг до другой: «не убей», «не укради» - тоже не для всех, для кого угодно, только не для меня, и — нет закона, нет не только закона мирского, но и Закона Божьего. Но тогда отсюда и один шаг до гибели человечества, ибо живо оно, поскольку стоит на законах, на тех и на других. Следовательно, не должно быть исключений — перед Законом (и тем и другим) должны быть все равны. Вполне разумный и логически обоснованный вывод.

Но тогда выходит, и судьи должны следовать заповеди, а значит, не могут, не должны судить, должны сложить свои полномочия, подать в отставку? Ибо и на них (если — без исключений) должно распространяться действие этого Закона: «Не судите, да не судимы будете» с последующей санкцией за его нарушение: «...какою мерою мерите, такую и вам отмерено будет»).

Но ведь суд, правосудие — объективно существующий институт общества, «объективный» — ибо вытекает из несовершенства природы человека: безнаказанность есть путь к новым преступлениям. Не судить просто нельзя — и это тоже вполне разумный, логический вывод.

В результате мы сталкиваемся с *двумя прямо противоположными*, хотя и вполне разумными (и логичными) суждениями. С одной стороны, любой закон (в том числе и данный библейский закон-заповедь) должен распространяться на всех людей, и значит: судья, «не судите», а с другой — судить людей надо...

Устранимо ли это противоречие?

Если исходить из того, что библейские заповеди мудры не только в своем человеколюбии, но и в своем понимании слабостей человека, то ответ на поставленный выше вопрос только один: это противоречие *должно быть* устранимо, а значит, *должно* и необходимо соединить христианскую заповедь «не суди» и профессиональную деятельность судьи. Но как?

...Представьте: Ваш ребенок (от роду всего семи лет) совершил некий проступок, за который по Вашему мнению, его следует обязательно наказать. И Вы «приговариваете» его к лишению свободы («гулять не пойдешь») или к лишению каких-либо благ. Одним словом, наказали строго, потому что разум говорит Вам: оставлять безнаказанным такой проступок — прямой путь к его повторению. Кстати, а что у Вас при этом в душе: Вы переживаете? Да, скорее всего; Вам обидно (разбил любимую чашку)? Да, вполне вероятно, Вы негодуете? Вы возмущаетесь (искренне)? А вот на два последних вопроса ответ скорее “нет”. Ну можно ли гневаться на любимое чадо (когда оно разбил Вашу чашку, он же от этого “нелюбимым” не стал, верно?). А что такое “гнев”, что такое

“негодование”, что такое «ненависть»? А это следствие, результат эмоциональной оценки эмоционального осуждения. Но проступок Вашего малыша Вы не осуждаете в глубине души своей (хотя и показали *ему* свое неудовольствие), Вы не возмущаетесь его неуклюжестью, а совершенно спокойно про себя говорите: “Нет, надо, надо его наказать, чтобы научился контролировать свои движения”. Повторяю: обида есть (“жалко, такая была чашечка...”), но нет осуждения в глубине души своей. Задействован только разум (“наказать необходимо”).

Отсюда важный вывод: *оказывается, судить человека можно на двух уровнях — на рациональном (через логическую переработку случившегося) и на эмоциональном (в виде возмущения, гнева, ненависти и т.п.). Это первое. А второе — не менее важное — люди могут судить не обязательно на обоих уровнях одновременно: можно судить на рациональном уровне и не осуждать на эмоциональном, а можно осуждать в душе, разумом понимая, что он в этом вовсе не виноват.*

А отсюда можно предположить (пока предположить), что заповедь Христа «не судите» относится к *осуждению в душе*, на уровне чувств, эмоций, а не на уровне разума (“данное деяние соответствует статье...»). Основанием для такого предположения является не только тот факт, что для христианина “душа” является более важным, чем “разум”, и прежде надо заботиться о душе своей... Есть и еще основание.

...Перед Вами, судьей, на скамье подсудимых человек, который совершил по меркам обычного «жуткое» преступление (допустим, изнасилование ребенка). Проигрывая подобный «процесс» с нашими слушателями-судьями, спрашиваю:

— Будучи председательствующим на таком процессе, выслушивая описание этого события с разных сторон, можете ли Вы при этом в душе оставаться спокойным?

И от многих получаю отрицательный ответ:

— Нельзя спокойно выслушивать описание этого омерзительного преступления.

— Тогда скажите, уважаемые судьи, а можете ли Вы при этом не осуждать в душе этого человека?

И в ответ не от единиц, от многих слышу:

- Нет, очень трудно не осуждать, практически невозможно, - и как бы в оправдание: - Я же человек, не могу не переживать, я не машина бездушная. Что же в том плохого, что я в душе своей осуждаю человека, который совершил такой поступок?

Может быть, они и правы, эти мои слушатели-судьи, но вот на что хотелось бы обратить и Ваше внимание, Ваше, уважаемый читатель. Дело в том, что когда человек высказывается (про себя вслух ли) о ком-либо *искренне в негативном плане*, то при этом, как хорошо известно в медицине и в психологии, пульс такого человека в этот момент будет уже не 60, а около 100 ударов в минуту (хотя человек может этого и не замечать), артериальное давление как при гипертоническом кризе,

в крови полно адреналина, кортикостероидов. Понятно: организм работает с перенапряжением (поскольку Ваши высказывания о том, какой же он мерзкий, обязательно сопровождаются представлениями, какие мерзкие поступки он совершал или может совершить; а подобные представления имитируют опасность, что и сопровождается перечисленными выше защитными реакциями сердечно-сосудистой системы организма — таков механизм возникновения *имитационных стрессовых состояний*). Но не беда, если это происходит с Вами раз в год. А во что же, если человеку в силу его профессии часто приходится высказываться (пусть даже про себя) в негативном плане о каких-либо других людях, т. е. осуждать их в душе своей? Как, например, том судье, который сказал, что не может, участвуя в подобных процессах, не осуждать подобных поступки? И не только такие “кровавые”, но и даже такие преступления, как обман, обвес, обсечение? “Да что же это такое творится?! Ни в один магазин нельзя войти, чтобы тебя не обсчитали”, — вслух возмущалась председательствующая судья на неуклюжие попытки подсудимой продавщицы вывернуться, оправдаться. Измерить бы у судьи в этот момент давление крови, да показать бы ей, затем прочитать бы лекцию о патогенезе гипертонической болезни...

Итак, медицина и медицинская психология солидарны в том, что любое проявление негативных эмоций, в том числе и при осуждении какого-либо человека, каких-либо его поступков — это прямой путь к букету психогенных заболеваний (среди которых язва желудка, гипертоническая стенокардия — наиболее распространенные). Следовательно, осуждать кого-либо в душе своей — себе же дороже! ***Верно. И именно в этом прежде всего состоит мудрость христианской заповеди “не судите”: не судите в душе своей, дабы не повредить и телу своему, не укорачивать век свой.*** А посему, судья, судите разумом своим, судите на рациональном уровне (“это деяние соответствует статье... УК РФ и заслуживает наказания по этой статье в виде...”). Но не судите в душе своей, не осуждайте на чувственном уровне...

- Но ведь это же похоже на призыв быть безразличным к боли людской, на призыв к проявлению бездушия! Разве такое может быть допустимо, чтобы я, судья, превратилась в робот, автомат?!

— Попробую ответить так: профессионал тем и отличается от непрофессионала, что в профессиональных ситуациях профессионал реагирует рациональным образом, а не эмоциональным (за исключением разве что профессионалов-актеров). Примером тому может быть профессия врач, о чем уже говорилось ранее.

А Вы, судья? Разве Вам, как профессионалу не приходится часто сталкиваться с болью людской, с неисполнительностью, обманом, коварством?... Сталкиваетесь. Только многие из Вас (помните ответы большинства наших слушателей-судей: «Я же человек, я же не могу не переживать»?) *в подобных ситуациях ведут себя непрофессионально.* Поскольку профессионализм судьи — это не только знание законов, но еще и умение подавлять свои эмоции в стрессовых

ситуациях (чему в отличие от законов на юрфаке не учили, а вот медиков к этому приучают на студенческой скамье).

- Ну, хорошо, это – понятно: не нужно допускать стрессовых состояний и вредить себе. Не понятно другое – как это влияет (отрицательно) не на мой организм, а на мое дело, которым я занимаюсь, в конечном итоге – на главный результат – на вынесение вердикта? Я что-то сомневаюсь, что это может повлиять так отрицательно.

- Прекрасный вопрос! Мне иногда судьи говорят так:

«Когда я буду принимать решение (выносить приговор...), тут я смогу отбросить все эмоции, которые нередко действительно у меня возникают в ходе судебного разбирательства; отброшу, забуду их и вполне холоднокровно буду писать приговор. Я же умею владеть своими чувствами!»

И я, услышав подобное («могу спокойно отбросить любые чувства»), каждый раз поначалу искренне радовался за весь судейский корпус страны: теперь в нем трудятся и йоги. Ибо только они одни могут в полной мере управлять – нет, не эмоциями, чувствами – а подсознательными установками, которые этими чувствами запускаются. Чувства-то, эмоции можно «отбросить», а вот порожденные ими подсознательные установки, т.е. установки на поведение, которые под сознанием, которые «не видны», ибо не осознаются, отбросить могут только йоги, только прошедшие специальное обучение. Все же остальные смертные будут *незаметно для себя* находиться под влиянием этих чувств, будут невольно строить свое поведение под их воздействием (что давным-давно доказано психологической наукой).

Пример с судьей, которая не смогла не проявлять эмоции, рассматривая жуткое» по меркам обывателя дело: подобные чувства («А я же не машина какая-то бесчувственная») помимо ее воли формируют в ее подсознании негативную установку на подсудимого, чья вина только доказывается, но еще не доказана. А значит, любая информация об этом подсудимом будет проникать в сознание этой судьи только через призму этой негативной подсознательной установки. И устранить это влияние можно лишь обладая

психотехниками воздействия на это «невидимое», «не ощущаемое», психотехниками воздействия на подсознание.

- Извините уважаемый профессор, мало того, что это утверждение бездоказательно, это и не верно, ибо никогда никаких таких подсознательных установок, влияющих на мой приговор, я никогда не чувствовала.

- Полностью согласен с последним утверждением: Вы их действительно никогда не «чувствовали» и не знали о их существовании и не могли знать, ибо они находятся за пределом того, что есть в Вашем сознании, за пределами осознаваемого («знаемого») Вами. А о том, что такая сфера психики (внесознательная, подсознательная – синонимы) существует, известно было еще в середине прошлого века после публикаций работ З. Фрейда. Только в нашей стране (СССР) они, эти работы, были запрещены, ибо – «буржуазное учение» (т.е. «плохое»). И только в середине 90-х годов прошедшего века книги Фрейда появились на прилавках магазинов в нашей стране (РФ), но в учебниках психологии и до сих пор не найти раздела об этой сфере психики. Так что ничего удивительного нет в том, что многие юристы, изучавшие психологию, не имеют представления ни о самой этой сфере психики – подсознании, ни о ее роли в поведении человека (а она на 80% определяет все поведенческие реакции – от простых до самых сложных – любого человека; за одним исключением – йоги). Что же касается развернутой аргументации в обоснование данной позиции психологической науки, то ее действительно не было в тех фразах, с которых и началась данная тема о влиянии эмоций на формирование подсознательных установок и о влиянии последних на поведение людей. И наверное понятно почему: Ваш покорный слуга по этому поводу целую книгу написал⁴, а уж сколько книг написано Фрейдом и его последователями... Так что, уважаемый мой оппонент, верно это учение или не верно – Вы сегодня (слава Богу) можете оценить сами.

⁴ «А что у него в подсознании? (Двенадцать уроков по психотехнологии проникновения в подсознание собеседника). – 7-е изд. – М.: Дело, 2004.

Мы же, завершая эту тему, еще раз подчеркнем: испытываемые судьей в ходе судебного разбирательства какие-либо эмоции наносят двойной ущерб: здоровью судьи и степени ее беспристрастности через влияние подсознательных установок на оценки и решения судьи.

Итак, судить или не судить? *Судить на рациональном уровне, не судить – на уровне чувств, в душе. Иначе – себе дороже.*

Мудро сказано: «Не судите да не судимы будете», — не судите в душе своей, т.е. берегите себя, не разрушайте себя, ибо Ваша судьба — одна из множества нитей рода человеческого на страже существования которого и стоят Законы заповедей.

Так что, Ваша честь, идите в зал судебного заседания спокойно, судите на рациональном уровне и не впускайте в сердце свое всё то, что увидите и услышите там. Ибо сердце Ваше принадлежит и не только Вам (а любить себя – обязательно), но и близким Вашим, но человечеству в целом.

- Простите, профессор, но все-таки... Как-то не укладывается, что я, судья, должен быть совсем без эмоций. Я понимаю, что когда речь идет о мальчиках кровавых», тут я должна запереть сердце на замок. Но возможны ли ситуации, когда мне, судье, «разрешены» эмоции, и именно в зале судебного заседания?

- Возможны, Ваше честь, вполне возможны. Вы вынесли справедливый приговор и все присутствующие в зале – именно все, а не одна половина (как обычно) – аплодировали Вам стоя. Вы довольны, и полны положительных эмоций (как это было в деле с автолюбителем С Щербинским⁵ – при отмене ему приговора), поскольку принятое Вами решение – оно и по совести и по закону. Но правомерны будут Ваши эмоции (уже не положительные) и тогда, когда Вы судили только по закону или только по совести. Но об этом – в следующей лекции.

⁵ Участником автомобильной аварии, в которой погиб губернатор М. Евдокимов.

ЛЕКЦИЯ 4. СУДИТЬ ПО СОВЕСТИ ИЛИ ПО ЗАКОНУ?

- Почему "или", уважаемый профессор?⁶ Надо и по Закону, и по совести, т.е. по внутреннему убеждению!

- Прекрасная мысль! Когда Ваши убеждения, Ваша честь, уважаемый судья, совпадают с Законом, то и нет никаких проблем, тогда союз "или" естественно заменяется на союз "и". Но, к сожалению, так бывает не всегда. Послушаем Ваших коллег судей...

1. "Это было в прошлом году, но и до сих пор я чувствую неудовлетворенность вынесенным мною приговором. Нет, все было сделано в соответствии с Законом: и квалификация и мера наказания. Приговор был законным, но с моей точки зрения - не справедливым. Посудитесь сами: молодой парень, первый раз в жизни..." и далее последовал подробный рассказ о деле, приговоре, да и не рассказ даже, а исповедь (благо психолог рассматривался почти как священник) закончившаяся словами: "...горький осадок по сей день!"

Реальная ситуация? - "Вполне", - отвечали нам большинство судей, с которыми потом, на занятиях обсуждалась подобная проблема нравственности и Закона.

2. "Знаете, на днях областной суд отменил мой приговор, указав, что мною были нарушены...(нормы). Для меня это не было неожиданностью. Более того, я сознательно допускал это, полагая, что справедливость важнее Закона. А случай был таков, что если решать по Закону, то это будет несправедливое решение, а если по совести, по справедливости - придется отступить от Закона. Что я и сделала.

В результате - отмена. Обидно, конечно, но есть и удовлетворение: я все-таки поступил справедливо..."

И тоже - реальная ситуация, с которой каждый судья-практик сталкивался хотя бы однажды.

Итак, практика свидетельствует: вполне возможны ситуации, когда имеет место конфликт (внутренний конфликт) между собственным убеждением судьи и Законом. Тогда-то возникает проблема, вынесенная в заголовок статьи: чему отдать предпочтение – совести или Закону⁷. Ответу на этот вопрос и будет посвящена данная лекция. Но прежде давайте все-таки проанализируем эти ситуации и их элементы.

"Совість" - это наш собственный цензор, который сличает наше поведение с нашей же системой ценностей. А эта система есть не что иное, как "внутреннее убеждение" или, как

⁶ Диалог в аудитории слушателей – судей, изучающих судебную психологию.

⁷ А то, что подобная проблема не просто существует, но и встречается часто – об этом говорили многие судьи, имеющие достаточный опыт работы

говорили раньше (и было даже записано в УПК) - "социалистическое правосознание"⁸. Значит "поступить по совести" – действовать в соответствии с собственной системой ценностей ("это хорошо"; "это - плохо"); "мучает совесть" - когда совершен поступок вопреки собственной системе ценностей ("я так сделал, хотя считаю, что так поступать нельзя").

На сегодняшней лекции мы будем рассматривать только ту часть системы ценностей судьи, систему его отношений, позиций, которая имеет отношение к оценке деяний человека ("я убежден: это - преступное деяние"; "я убежден: эти действия не следует считать преступными, хотя закон иного мнения"); или к оценке меры наказания за такое-то деяние ("я убежден: за это преступление надо бы высшую меру!"; "я убежден: за такое преступление не следует наказывать так строго, как требует Закон"). Иначе говоря, мы будем рассматривать только один аспект совести судьи - относящийся к правосудию (аспект правосознания).

Допустим, у судьи возник такой внутренний конфликт - между тем, что записано в Законе, и тем, что "записано" в его совести, т.е. тем, что составляет его убеждение. И прежде всего вопрос: этот конфликт - он объективный или субъективный? Ведь если он объективный, то следует одно "лечение" этого конфликта, а если субъективный - "лечить", устранять этот конфликт надо, вероятно, совсем иначе.

Если убеждения судьи (убеждения, вступившие в конфликт с Законом) *соответствуют неким принятым большинством данного общества категориям морали* (такие "категории морали" обозначают "нормами морали" или "нормами нравственности"), то этот внутренний конфликт следует считать объективным, а личность судьи в этом случае выступает лишь как "поле", на котором произошло столкновение между нормой права и нормой морали.

Если убеждения судьи (убеждения, вступившие в конфликт с Законом) *не соответствуют общепринятым нормам морали*, то этот внутренний конфликт следует считать субъективным, личность такого судьи - уже не "поле", на котором столкнулись две нормы общества, а "источник" этого конфликта. Поясню на примере. В обществе принята заповедь "не укради" как нравственная норма (а не только норма права), а некий человек - может быть даже и судья - полагает, что иногда допустимо и украсть. И вот на скамье подсудимых оказался "укрававший", но судья убежден: это была та ситуация, когда допустимо было украсть. Это убеждение судьи расходится с "убеждением" общества, эта нравственная характеристика судьи не соответствует нравственной норме общества. Следовательно, этот конфликт не между нормой права и нормой морали, а между нормой права и субъективной нравственной нормой данного судьи. Это - субъективный конфликт.

В этой лекции мы не будем рассматривать конфликты, когда "убеждения" судьи расходятся с "убеждениями" общества, но сосредоточим внимание на тех ситуациях, когда

⁸ Сегодня первое слово из этого термина исчезло, но суть осталась, есть такое явление, как «правосознание»

нравственная норма, принятая в данном обществе и принятая судьей, расходится с некой нормой права. И тогда - проблема: поступить по Закону или поступить в соответствии с этой, *принятой многими в обществе*, нравственной нормой? Рассмотрим последствия каждого из возможных двух вариантов разрешения этого противоречия.

1. Судья действует по норме Закона (по букве Закона). Следовательно (в данной ситуации) - вопреки своему внутреннему убеждению. В результате: внутренний конфликт, дискомфортное состояние "плохо" (как следствие самонаказания: "я неправильно поступил, ибо не по совести").

2. Судья действует по норме морали. Следовательно (в данной ситуации) - вопреки букве Закона. В результате (с большой вероятностью): отмена приговора вышестоящей инстанцией. Следствие: конфликт, состояние дискомфорта, состояние "плохо" (как результат пусть морально, но "санкции-наказания" типа: "я - плохой судья, я плохо знаю закон, я - плохой юрист" - кому ж приятно?!).

Таким образом, какое бы решение не принял судья в ситуации внутреннего конфликта между его убеждениями (а точнее – общепринятой моральной нормой, которая является моральной нормой и для данного судьи) и Законом, все равно будет "плохо" (в первом случае: "плохо, что поступил не по совести", во втором: "плохо, что меня будут из-за этого считать плохим специалистом"). А поскольку решать-то надо (можно, правда, и не решать - уволиться, но это особый разговор), то возникает вопрос: какое из этих двух "плохо" хуже, или: какое из этих двух меньшее - "поступить по Закону вопреки норме морали", или "поступить по совести, но не по Закону"?

Многочисленные консультационные беседы с судьями, оказавшимися в подобной ситуации в конфликте (инициатива такой беседы судьи с психологом всегда принадлежала судье) показали, что для многих из них разрешение подобной коллизии (идти по первому варианту или по второму) каждый раз мучительно.

Таким образом, состоянию "плохо" (как следствие любого решения) предшествует еще более тяжелое состояние – процесс выбора из двух зол. Правда, некоторые судьи уже сделали для себя этот выбор, что называется, раз и навсегда - буду действовать по первому (или - по второму) варианту. Но для многих из оказавшихся в подобных ситуациях так и нет окончательного решения. "Помогите принять решение!" - таков лейтмотив большинства обращений этих судей к психологу.

И тогда психолог говорит: решить эту задачу (и - раз и навсегда) можно, обратившись к аксиологии - науке о ценностях.

Сравним два варианта решений с позиций ценностей: что для Вас более ценно: мнение Вас вышестоящих инстанций (оно может быть плохим при втором варианте) или "мнение" о Вас Вашей совести (оно может быть плохим при первом варианте)? Психолог не будет осуждать ни тот, ни другой вариант ответа, ибо его задача - не судить, а помочь решить.

Давайте предположим, что Вы очень чувствительны к санкциям начальства и мнению окружающих. (Есть такие люди, такие они по жизни - и тут, практически, ничего не изменить). Тогда примите вариант №1 - судите по букве Закона.

Но Вы говорите, что чувствительность к собственной совести у Вас выше, чем чувствительность к "наказанию" извне?! Тогда примите вариант №2 - не будучи "буквоедом" судите по Вашей совести.

- Но ведь это же прямое нарушение Закона, а значит, если судья будет так постоянно поступать, его просто уволят с работы и все тут!

- Во-первых, уважаемый мой оппонент, скорее всего - не уволят, ибо подобные ситуации (вариант № 2) хотя и встречаются в практике судей – но не каждый день, а если еще учесть, что такая ситуация возникла у судьи с высокой чувствительностью к голосу собственной совести (как у академика А.Д. Сахарова⁹), что тоже бывает не часто, то скорее ограничатся отменой приговора с указанием на...

А во-вторых... Да, это нарушение Закона – судить по нормам морали, противоречащим нормам юридическим. И это тоже может иметь «плохие» последствия, можно оказаться «в ссылке в Горьком», осознавая при этом, что потом-то тебе будут аплодировать, а сейчас...

И в том и в другом случае в результате будет "плохо", но приняв решение, Вы избавитесь от того состояния "плохо", которое предшествовало раньше принятию решения. "Моя совесть важнее всего! Не поступлюсь принципами своей совести! Не наступлю на горло собственной песне!" - Или - "*Dura lex, sed lex*» - «Закон суров, но это - закон!» Отступив от буквы Закона можно затем отступить и от сути Закона. И то верно, и другое - тоже верно! А посему спросите себя: слушай, что для тебя будет больнее - укоры собственной совести или укоры "начальства"? Решите это для себя однажды и - навсегда! И Вы избавитесь от мучительных терзаний, ибо "объективной правды" здесь нет и быть не может. Взяв на вооружение аксиологию, ответьте: что лично для Вас ценнее? Так и решайте. И не будет метаний, не будет "раздвоения личности".

⁹ Сахаров Ан. Дм. (1921 – 1989) физик-теоретик, академик АН СССР, создатель водородной бомбы, один из лидеров правозащитного движения в СССР в 70-е годы. Выступал против существовавших не демократических законов, противоречащих нравственным нормам, за что и был наказан (ссылкой в Горький). В 1975 году присуждена Нобелевская премия мира; в 1989 году был избран народным депутатом СССР.

¹⁰ Понятно почему в кавычках (хотя, отменяющие Ваш приговор, - почти как начальники).

всего-то - один раз себе сказать: "будет так" и тогда - *dixi of animam levavi* - сказал, и на душе стало легче.

И Вы навсегда избавитесь от одной категории конфликтов – внутреннего конфликта.

И когда спустя какое-то время (через год, два, три) Вы вновь встретитесь с ситуацией: данная норма противоречит системе ценностей общества¹¹ и Вашей собственной – Вы будете знать, какое решение принять. Ибо в соответствии с Законом судья, принимая решение, должен руководствоваться не только буквой Закона, но и собственным правосознанием, которое интерпретируется как субъективное отношение человека (судьи) к праву, законности, правосудию.

Но помимо такового существуют еще, к сожалению, и «внешние» конфликты, вызываемые внешними агентами. И вот о том, как и их нейтрализовать – в следующей лекции.

¹¹ А его голосом в этом случае уже может стать Общественная палата для того и созданная.

ЛЕКЦИЯ 5. СУДЬЯ И КОНФЛИКТЫ В ЗАСЕДАНИИ: КАК ВЫЙТИ ДОСТОЙНО?

Цель данной лекции - помочь судьям выработать оптимальную стратегию и тактики при возникновении конфликтных ситуаций в ходе судебного заседания, а будущим судьям – избежать ошибок при возникновении конфликтов.

Здесь будут рассматриваться проблемы профессиональной коммуникации судьи с участниками процесса (в основном - процесса по уголовному делу); описываться и анализироваться ряд типичных ошибок судьи при попытке разрешения конфликтных ситуаций; аргументироваться положение о желательности (необходимости) одних конфликтов - так называемых объективных конфликтов, и нежелательности других – «субъективных» - конфликтов; Обсуждаться вопросы тактики профессиональной коммуникации судьи при тех или иных конфликтных ситуациях.

Для повышения эффективности судебной практики существуют различные формы совершенствования профессиональной деятельности судьи. Это и изучение новых законодательных актов, их интерпретация, методы применения на практике. Это и способы преодоления различных трудностей, из-за которых снижается эффективность труда судьи.

К числу таких трудностей относится и большая нагрузка на судью и все еще иногда бытующее давление извне на принятие решения, и все еще – несмотря на реформирование - плохая материально-техническая база судьи.

В преодолении этих трудностей психолог либо не поможет помочь, либо его помощь может быть незначительной. Но есть трудности, в преодолении которых может оказать помощь только специалист по психологии людей. К числу таких трудностей, снижающих эффективность деятельности судьи, относятся *конфликты*, возникающие в ходе *судебного разбирательства*.

Этой проблеме и ее разрешению будет посвящена данная лекция. Необходимость в ней объясняется также и тем, что, оказываясь свидетелем или участником конфликта, судьи, как показывает опыт, не всегда владеют ситуацией, не всегда принимают решения, адекватные конфликтной ситуации. А в результате... либо происходит усиление конфликта, либо судья испытывает стрессовое состояние с неблагоприятными для здоровья последствиями, либо появляются комплекс в виде неуверенности в себе и т.п. Уберечь судью от таких последствий, помочь адекватно реагировать в конфликтах - вот одна из целей данной лекции.

Разберем конфликты, возникающие в ходе судебного разбирательства на модели рассмотрения уголовного дела. Но, чтобы говорить на одном языке, прежде всего необходимо отметить, как понимается термин "конфликт".

Под *конфликтом* понимается ситуация, вызванная столкновением каких-либо антагонистических тенденций (действий, позиций, взглядов, установок и т.п.). Именно в таком контексте и будем рассматривать конфликты, возникающие в судебном заседании.

Какими бывают конфликты? Иначе говоря, какова типология конфликтов, какова их классификация?

Классифицировать конфликты можно по разным основаниям.

С точки зрения анализа субъектов конфликта он может быть как между людьми, так и между продуктами их деятельности. Например, антагонистические позиции двух разных норм: одна норма требует одних действий, другая в это же время - противоположных. Подобная конфликтная ситуация возникает обычно из-за несовершенства законодательства. Или же антагонистические тенденции между нормой и объективной ситуацией, сложившейся к данному моменту в обществе (например, между приватизацией собственности со всеми ее последствиями и предпринимательством, что характерно было для самого начала возникновения рыночных отношений в нашей стране).

Очевидно, что разрешение этих конфликтов, которые в той или иной мере затрагивают судебную практику, не является прерогативой психологической науки, поэтому анализ конфликтов типа "норма - норма" выходит за пределы нашего интереса.

Для психологического анализа более актуальным являются конфликты, в которых хотя бы один субъект - человек, личность.

К такой группе относятся конфликты типа "человек - норма". Примером подобного рода конфликтов является преступление, когда действия человека и требования закона вступают в антагонистическое противоречие.

Отсюда важный вывод: в основе любого уголовного процесса уже лежит конфликт типа "человек - норма (закон)". Следовательно, разбирательство по любому уголовному делу обязательно базируется на конфликте. Поскольку этот конфликт возник *до начала* судебного заседания, то предотвратить его в ходе судебного разбирательства не представляется возможным. Предотвращение конфликтов "человек - закон" - есть результат профилактической деятельности (по предупреждению преступности).

Большой интерес в контексте данного занятия представляют конфликты типа "человек - человек" (или "участник процесса - участник процесса"). Именно об этих конфликтах чаще всего идет речь, когда говорят о конфликтных ситуациях в ходе судебного заседания.

И здесь возникает весьма важный вопрос о стратегии поведения судьи (по сути - руководителя судебного заседания): должен ли судья всеми мерами препятствовать возникновению конфликтов типа "человек - человек" в зале судебного заседания, гасить эти конфликты; или же занимать нейтральную позицию, быть отстраненным от конфликта; или же усиливать конфликт, возникший в зале между участниками процесса?

Ответ на вопрос о выборе стратегии поведения лежит в дальнейшей классификации конфликтов типа "человек - человек".

С точки зрения объективизации эти конфликты делятся на объективные и субъективные.

Рассмотрим конфликты "человек - человек", которые носят *объективный* характер.

Что значит: конфликт вызван объективными обстоятельствами? Это значит: возникновение конфликта *не зависит* от желания или нежелания его участников, не зависит от особенностей их личности (характера, темперамента, интеллекта и т.п.). Этот конфликт *не может не возникнуть* в ходе судебного заседания. Более того, он запрограммирован самой процедурой судебного разбирательства. Каковы же эти конфликты?

На схеме (см. рис. 2) представлены участники судебного разбирательства и возможные объективные конфликты между ними.

Прежде всего таким объективным конфликтом является столкновение антагонистических тенденций между обвинением и защитой, между прокурором и адвокатом (на схеме связь №1). У одного из участников тенденция доказать виновность подсудимого, выявить отягощающие вину обстоятельства, у другого - доказать обратное, либо выявить смягчающие вину обстоятельства.

В сути этого конфликта - один из принципов судопроизводства: состязательность сторон. Этот конфликт объективен, он не может не быть, если, конечно, судебное разбирательство соответствует принципам демократического судопроизводства.

Какой должна быть позиция судьи в этом конфликте? Должен ли судья стараться предупредить или погасить этот конфликт; или же быть индифферентным в этой ситуации; или же он должен способствовать этому конфликту?

Если исходить из того, что состязание (а любой вид состязательности - это конфликт, ибо каждый стремится добиться своей победы и проигрыша противоположной стороны) - это основополагающий принцип достижения истины в судопроизводстве, то, очевидно, судья должен всячески способствовать возникновению такого объективного конфликта между прокурором и защитником.

А какова же практика? Практика, к сожалению, не всегда соответствует этому идеалу. И не только потому, что некоторые уголовные дела (дела частного обвинения) рассматривались без прокурора, и тогда адвокату приходилось "состязаться" с документом (обвинительным заключением). К сожалению, сложившаяся в нашей стране за годы советской власти практика ведения судьей судебного процесса не только не способствует конфликту между защитой и обвинением, но и нередко препятствует этому. На практике судебное разбирательство - это не столько состязание сторон, сколько выяснение судом (судьей) тех аспектов дела, которые должны были бы проявиться в ходе противоборства сторон, а судья, судьи лишь фиксировали бы и *оценивали* их доводы. На практике судья нередко в ходе судебного следствия и сам допрашивает и сам добывает информацию вместо того, чтобы

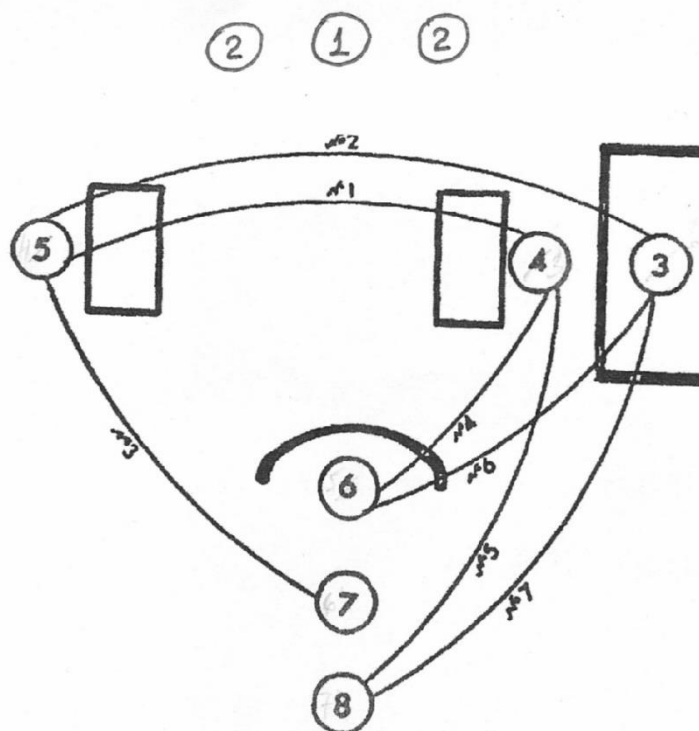

Рис. 2. Конфликты между участниками судебного заседания

- (1) – Председательствующий судья; (2)- Судьи; (3)-Подсудимый;
 (4) - Адвокат; (5) - Прокурор; (6) - Потерпевший;
 (7) - Свидетель со стороны защиты ; (8) - Свидетель со стороны обвинения:

стимулировать эти стороны к противоборству, к активному высказыванию своих позиций, к их защите, к опровержению позиций противной стороны в ходе всего судебного заседания, а не только на одном только его этапе - прениях сторон. Но и сами эти прения в соответствии со статьями УПК ограничены одним выступлением и только одной репликой (если не открылись новые обстоятельства). Таким образом, законодатель, вероятно, в угоду экономии времени (есть ли другое объяснение?) наложил жесткие ограничения на дискуссию как на проявление антагонистических тенденций, так на проявление состязательности.

К сказанному следует добавить, что из этих двух сторон (прокурор и адвокат) бóльшую активность в реализации принципа состязательности проявляет защита. Отчего же прокурор, как правило, не стремится к активной защите своей позиции, к объективному конфликту с адвокатом? Не из-за уверенности ли, что его позиция в 99,9..% будет принята - по его мнению - судьей? Да, но не только из-за этого. Прокуроры, участвующие в заседаниях, *привыкли*, что судья все брал на себя: и следствие, и выявление фактов, и их анализ, оценку. Хотя по идее одна из основных функций судьи (кроме оценки) - это подталкивать стороны к противоборству, всемерно способствовать объективному конфликту между прокурором и адвокатом, а только затем анализировать полученную информацию и ее оценивать.

Итак, конфликт "прокурор - адвокат" - конфликт объективный, следовательно, он должен быть, следовательно, его необходимо поддерживать, а при необходимости – усиливать.

Но этот конфликт - не единственный среди *объективных* конфликтов между участниками судебного процесса. К числу таких конфликтов, которые не могут не возникнуть, относятся конфликты между;

(2) прокурором и подсудимым (комментарии здесь излишни);

(3) прокурором и свидетелем со стороны защиты, ибо позиция одного из них - прокурора - представить факты совершения подсудимым противоправных действий, а позиция свидетеля со стороны защиты - представить известные ему факты, свидетельствующие об обратном;

(4) адвокатом и потерпевшим: первый из них настроен на представление фактов, оправдывающих подсудимого, второй представляет факты, свидетельствующие об обратном. Возникающая в этом случае дискуссия носит конфликтный характер, каждый пытается утвердить свои позиции;

(5) адвокатом и свидетелем со стороны обвинения. Этот объективный конфликт аналогичен конфликту (4);

(б) подсудимым и потерпевшим. Их антагонистические тенденции очевидны, объективны и для установления истины необходимо стимулировать эти стороны к проявлению своих противоположных тенденций.

Поскольку не в каждом судебном процессе участвуют свидетели со стороны обвинения или защиты, то в ходе судебного заседания должно быть *как минимум* четыре *объективных конфликта*.

Сделаем промежуточные выводы

1. В судебном процессе, если он осуществляется в соответствии с принципами судопроизводства, не могут не быть конфликты между участниками процесса. По своему происхождению такие конфликты носят объективный характер.

2. Выше был приведен список участников судебного заседания, которые могут быть вовлечены процедурой судебного заседания в конфликт.

Отсюда важное следствие: ни в одной из объективных конфликтных ситуаций судья не представлен, потому что *НЕТ ОБЪЕКТИВНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, КОТОРЫЕ ОБУСЛОВЛИВАЛИ БЫ УЧАСТИЕ СУДЬИ В КОНФЛИКТЕ С КЕМ-ЛИБО ИЗ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА*.

И, тем не менее, судья нередко оказывается *участником* конфликта. Но, поскольку ни в одном из объективных конфликтов судья не представлен, то можно утверждать: если судья и может быть участником конфликта, то только *субъективного*.

Что же такое - субъективный конфликт?

Причиной столкновения *субъективных* антагонистических тенденций являются не внешние обстоятельства, а личностные особенности участников конфликта - невыдержанность, невоспитанность, негативная установка на представителей определенных социальных или профессиональных групп.

Содержательной стороной *субъективных* конфликтов является либо неуважительное высказывание в адрес участника разбирательства, либо вступление в пререкание с кем-либо, в том числе и с судьей. На этом - последнем моменте - следует остановиться особо.

Прежде всего следует отличать субъективный конфликт типа "человек - человек" от конфликта "человек - закон". Например, прерывая высказывание адвоката, прокурор создает конфликт, который оценивается как субъективный конфликт типа "человек - человек" (неуважение к коллеге) и как конфликт "человек - закон", ибо любые высказывания разрешаются только судьей (через обращение к судье). Но и в том и в другом случае судья должен гасить подобного рода конфликты, опираясь либо на санкции (что бывает чаще всего), либо на знание психологических особенностей лиц определенных социальных или профессиональных групп.

Итак, при возникновении конфликта между участниками процесса судье следует прежде всего выяснить: является ли возникший конфликт объективным по своему содержанию, или же в нем в явной форме присутствует личностный компонент (неприязненное отношение одного участника к другому)?

Ниже в качестве примера для дифференциации объективных и субъективных конфликтов приводятся два ответных высказывания адвоката на ходатайство прокурора:

1. "Должен заметить, что в этом ходатайстве прокурора явно отсутствует фактический мотив для изменения меры пресечения. Ходатайство не содержит очевидных доказательств, что если мой подзащитный останется на свободе, то он... Поэтому я не согласен с позицией прокурора об изменении меры пресечения".

2. «Должен заметить, что требуя изменить меру пресечения, прокурор проявляет явный субъективизм, он не пожелал даже вникнуть в суть сложившейся ситуации. Ему абсолютно безразлично, что на руках у моего подзащитного двое маленьких детей. Это не что иное, как проявление бездушия! А те опасности, о которых пытался говорить прокурор, извините, взяты с потолка, просто придуманы, если учитывать личность подзащитного. А прокурор, опять же в силу своего бездушия, не учел это важное обстоятельство».

Итак, два конфликта между прокурором и адвокатом. Но если первый конфликт - в чистом виде объективный конфликт, то во втором случае высказывание адвоката в определенной мере направлены против личностных качеств прокурора. И это уже в определенной мере субъективный конфликт. Если после высказываний адвоката (при том и другом варианте) прокурор попросит слово, то в первом случае такое желание следует поощрять (совсем не исключено, что прокурор сейчас приведет действенные аргументы в защиту позиции о взятии подсудимого под стражу), а во втором случае от прокурора следует ожидать и ответного выпада (в личностном плане). В этом случае, представляя вновь слово прокурору, судье, для профилактики дальнейшего развития субъективного конфликта, следует прокомментировать выступление адвоката в том духе, что необходимо обсуждать не личность прокурора, а его ходатайство, а обращаясь к прокурору, просить его «с учетом только что сказанного, говорить по существу ходатайства» и тем самым предотвратить начинающуюся перепалку, т.е. субъективный конфликт.

Следовательно, для выработки тактики, адекватной ситуации, судья, сталкиваясь с очередным конфликтом, должен каждый раз решать: объективный конфликт или субъективный, а если в высказывании есть и то и другое, то четко отделять зерна от плевел, т.е. поощрять одну часть высказывания, стимулировать к этому, и осуждать (пресекать) другую часть.

Ибо не все конфликты, возникающие в ходе судебного заседания, нежелательны. Как мы теперь знаем, есть конфликты, которые судья должен даже провоцировать.

До сих пор мы говорили о конфликтах, в которых судья не участвовал. Но, как уже отмечалось, судья нередко оказывается и участником конфликта. Разумеется, такой конфликт – и это стоит повторить - *ни при каких обстоятельствах не может быть отнесен к объективным конфликтам*. Если в ходе судебного заседания судья оказывается одним из участников конфликта, то этот конфликт всегда субъективный.

- Ну, а если кто-то из участников нарушает какие-то нормы (допустим, процессуального характера) и судья соответствующим образом реагирует на это, разве это не есть конфликт, разве судья таким образом не становится одним из участников конфликта?

Если имеется в виду конфликтная ситуация типа "человек - закон" (например, кто-то высказывается без разрешения судьи), то в этом случае судья становится не участником конфликта, а арбитром между данным лицом и... законом. И даже в том случае, когда нарушено право самого судьи (например, подсудимый своей репликой прерывает судью), это все же конфликт "человек (подсудимый) - закон", но не "подсудимый - судья". *СУДЬЯ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ УЧАСТНИКОМ ОБЪЕКТИВНОГО КОНФЛИКТА*.

- Ну, а если высказывание кого-либо из участников процесса содержит выпад в адрес личностных характеристик судьи? Разве в этом случае не возникает конфликт "участник процесса - судья"?

Да, может возникнуть (и, к сожалению, возникает), если судья увидит в этом высказывании выпад против его личности, а не против... закона!

Поскольку подобные ситуации весьма актуальны для каждого судьи, сформулируем правило, которым следует в этих случаях руководствоваться: судью невозможно оскорбить как личность, можно лишь нарушить закон (об уважении к суду). И реакция судьи должна быть не личностной, как у обычных людей (обидно, больно), а отстраненной, как если бы в зале оскорбили кого-либо из иных участников процесса.

Может ли кто-либо в зале оскорбить судью? Да, может. А может ли судья на кого-либо в зале обидеться, например, на того, кто весьма нелестно, скажем прямо - в грубой форме высказался в адрес личностных качеств судьи? Ведь и такое явление - не самое редкое в судебной практике. Иначе говоря, имеет ли право судья в этих ситуациях на проявление чувств, например, на проявление такого чувства как собственное достоинство?

Ответ на этот вопрос хотя и прост, но практика ему не всегда соответствует. Если в ответ на оскорбительную реплику в свой адрес некий человек почувствовал обиду,

почувствовал некое унижение своего собственного достоинства, унижение своего "Я", то этот человек в эту минуту не может быть объективным по отношению к обидчику.

- Но как же быть, если некто явно меня, судью, оскорбляет?

Простите, но Вы тут ни при чем, Вы, как личность в этот момент не присутствуете в зале заседания и поэтому Вас невозможно оскорбить. Что такое беспристрастие? Отказ от своих симпатий и антипатий, отказ от проявления своих чувств к кому-либо, отказ от присутствия в зале своего "Я".

Да, есть такие профессии, когда "Я" работника должно быть как бы "заперто", когда при исполнении своих служебных обязанностей он не имеет право обижаться, иметь негативное отношение к партнеру по профессиональному общению.

Может ли пациент обидеть врача? Да, может. Но имеет ли право врач обижаться на своего пациента? Нет, ибо тогда это невольно отразится на его профессиональном взаимодействии с этим пациентом. Может ли, допустим, ученик обидеть учителя? Да, может, А может ли учитель обижаться на своего ученика? Вероятно, нет, ибо тогда он не сможет быть объективным в своих воспитательных воздействиях на ученика.

- Но ведь бывают же люди достаточно чувствительные, просто от природы обидчивые, ранимые?

Да, есть люди по природе обидчивые, и это практически невозможно исправить, И большая беда, если такому человеку в силу служебных обязанностей необходимо управлять поведением, деятельностью других людей.

Как известно, всем мил не будешь (хотя и есть такие люди, которые с помощью специальных психологических приемов умеют ладить со всеми). И обязательно найдутся люди, которым Вы чем-то не нравитесь, которые не преминут Вам об этом сказать в форме ли иронического замечания, а то и в открытой агрессивной форме. Имеете ли Вы право на собственные чувства, на чувство обиды на такого человека? Да, имеете, правда, если от Вас не зависит судьба этого человека. Вас оскорбили в магазине, на улице... . Вы имеете право на свои чувства (и на их проявление), ибо оскорбили не судью, а личность. Вас оскорбил один из участников процесса... . Нет, не Вас, ибо Вы, как личность, со всеми ее *чувствами*, в данный момент - в зале - не присутствуете. Здесь вместо Вас находится арбитр. И не решается вопрос: обидно или не обидно. Решается вопрос: есть нарушение закона или нет.

Да, если Вы судья (учитель, врач, психолог, руководитель), то Вы выбрали такую профессию (или, как говорят психологи, заняли такую социальную нишу), когда исполняя свои обязанности. Вы не имеете право на негативное отношение к партнеру по профессиональному общению, к человеку, который в силу своего социального статуса

зависит от Вас. (А для тех, кому это трудно *принять*, предлагаем дать ответ на такой вопрос: отдали бы Вы своего ребенка тому учителю, который по характеру очень обидчивый, если у Вас, разумеется будет выбор? С большой вероятностью, нет, ибо так отвечают большинство опрошенных нами людей.)

Итак, если Вы судья, председательствующий по делу, то любой выпад в Ваш адрес, против Вас - это просто нарушение закона. Вы, как личность, тут ни при чем. Оскорбили не Вас, оскорбили суд. ***Лично Вас это не касается.***

Но если Вы, будучи судьей, по каким-либо причинам не возьмете себе это за правило (правило: в зале суда Вас оскорбить невозможно, можно лишь оскорбить суд), если Вы, судья, каждый выпад против Вас в суде будете рассматривать как выпад против Вашей личности (а не как всего-навсего обычное нарушение закона), если это будет задевать Ваши чувства, если Вы будете это переживать, т.е. испытывать стрессовые состояния, то ничего хорошего это Вам, Вашему здоровью не принесет.

А теперь риторический вопрос: что вам выгоднее: рассматривать негативные высказывания в Ваш адрес в зале заседания как *личностный* выпад, или как просто *нарушение закона*, с которым Вы сталкиваетесь в любом уголовном деле? Ведь Вы не возмущаетесь и не негодуете, когда оказывается доказанным, что подсудимый действительно нарушил закон (совершил, допустим, кражу). Почему же следует возмущаться (себе в ущерб!), негодовать, или просто переживать, когда тот же подсудимый нарушает другой закон - закон об уважении к суду? Не слишком ли дорого Вам будет стоить подобное переживание, подобное стрессовое состояние? И не только Вам, но и Вашим близким (а о них тоже следует думать, Вы им нужны), да и делу Вашему, и обществу в целом? Вопрос риторический, ибо и ответ очевиден.

Остается лишь пересмотреть позицию: "Судья - тоже человек" на позицию: «Судья (в зале заседания) - только арбитр».

Ибо выгоднее, как оказывается, для самого судьи последнее, а не первое.

ЛЕКЦИЯ 6. «ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ» В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СУДЕЙ

6.1. Судебная реформа, правовое сознание и обвинительный уклон

В ходе реформы судопроизводства в Российской Федерации проведены и продолжают проводиться изменения в разных его областях: в организации судебной системы (например, введение суда присяжных), в профессиональном статусе судей (институт мировых судей, пожизненное избрание), в процедуре вынесения приговора ("двухэтапного" формирования приговора — присяжными и судей) и т.п. Эти и другие новации не могут не затрагивать систему профессиональных (ценностных) ориентаций судей, или — на языке психологии — систему психологических установок. Изменение системы профессиональных психологических установок судей (их позиций, взглядов, отношений, мнений, оценок) в ходе судебной реформы предполагает приближение к идеалу — беспристрастному, и объективному рассмотрению дел¹², принятию решения (приговора, постановления) независимо не только от внешних, но и от внутренних воздействий — от собственных симпатий или антипатий. Но может ли судья уберечь себя, свое сознание от этого «внутреннего» влияния, и в частности от возникновения антипатии к подсудимому? К сожалению, практика свидетельствует, что не только следователь, который составляет обвинительный акт, не только прокурор, обвиняющий подсудимого в совершении преступления, но и судьи не свободны от такого "внутреннего" влияния.

6.2. Взгляд на феномен «обвинительный уклон» глазами судьи

Большинство из опрошенных нами судей (83% из 340 человек)¹³ полагают, что они могут без особых проблем отбросить свои симпатии-антипатии и быть беспристрастными, рассматривая то или иное дело. Не будем спорить, легко ли можно подавлять установки, которые часто не поддаются контролю сознания человека (особенно фиксированные оценочные установки). У психологов на этот вопрос есть вполне однозначный ответ. Важно другое: и среди юристов, и среди широкой общественности бытует мнение, что в судебной практике существует феномен "обвинительный уклон", заключающийся во взгляде на подсудимого (чья вина еще не доказана судом) как на человека, безусловно совершившего данное преступление. При этом одни полагают, что это явление в

¹² Здесь и в дальнейшем речь в основном идет о рассмотрении уголовных дел.

¹³ Здесь использованы некоторые экспериментальные материалы, полученные кандидатом психологических наук Е.А. Петровой.

судейской практике достаточно распространенное, другие — что менее частое. Этому феномену посвящены монографии¹⁴, в которых авторы-ученые высказывают собственное мнение по данному вопросу. Но каково мнение на этот счет самих судей? Насколько, по их представлению, выражен обвинительный уклон в их практике?

Для выявления позиций судей в отношении к обвинительному уклону в их практике были исследованы 74 судьи (члены *вышестоящих судов*). На вопрос анкеты, считают ли они, что в практике судей *нижестоящих судов* встречается обвинительный уклон, 2/3 испытуемых выразили убеждение, что в профессиональной деятельности большинства этих судей такое явление очень заметно. На вопрос, встречается ли в практике *вышестоящих* судей обвинительный уклон, 34% испытуемых (фактически относящихся к этой категории судей) утверждали, что обвинительный уклон не свойствен такой категории судей, и только 8% опрошенных ответили, что это явление у судей *вышестоящих судов* встречается часто. В ответ на вопрос: наблюдается ли в их собственной практике обвинительный уклон, 85% полностью его отрицали или отметили, что данное явление в их практике встречается чрезвычайно редко.

Таким образом, формально признавая существование обвинительного уклона в судебной практике, большинство судей отрицали его в собственной профессиональной деятельности. Если же эти данные сопоставить с мнением судей о том, что при рассмотрении дела они вполне могут быть объективными, то возникает вопрос: действительно ли существует обвинительный уклон в практике судей, если сами судьи за собой это не замечают? Может быть, это миф, рожденный позицией тех людей, которые оказались неудовлетворенными решением суда? Предположение подобного рода имеет основание хотя бы по той причине, что на время, когда проводился данный опрос, не было проведено специально организованных экспериментов, которые объективно зафиксировали бы этот феномен и показали (с математической точностью) степень его выраженности и распространенности.

6.3. Экспериментальное измерение обвинительного уклона

Исходя из важности и значимости ответа на поставленные выше вопросы с точки зрения оценки как правосознания судей, так и позиций тех, кто указывает на наличие у судей обвинительного уклона, нами была поставлена задача исследовать эту область правосознания судей (их психологические установки на подсудимого) с использованием

¹⁴ 3 См., например: *Алексеева Л.Б., Радутная Н.В.* Предупреждение судебных ошибок, обусловленных обвинительным уклоном в деятельности судов первой и кассационной инстанции. М., 1989.

специального психологического инструментария. Его отбор зависит от сущности анализируемого феномена.

Обвинительный уклон ("презумпция виновности") есть проявление позиции: данный подсудимый вероятнее всего совершил вменяемое ему преступление. Поскольку "позиция", как и "мнение", "отношение", "оценка" есть психологическая установка, то для выявления "презумпции виновности", ее наличия или степени выраженности необходим психологический инструментарий. Таким инструментом является тест СОУЛ ("система оценочных установок личности"), представляющий модификацию известного на Западе теста "семантический дифференциал". Тест СОУЛ разработан в соответствии с основными международными требованиями тестологии, прошел профессиональную экспертизу в ходе подготовки к публикации в "Психологическом журнале" материалов о структуре, надежности и валидности (обоснованности использования его при исследовании психологических установок типа "обвинительный уклон")¹⁵. Данный тест позволяет выявить не те позиции, взгляды (установки), которые субъект хотел бы показать экспериментатору, но — с помощью специальной процедуры — те, которые фактически влияют на его поведение, хотя и не обязательно осознаются им. В рамках данной лекции нет возможности подробно обосновать положение, что поступки человека определяются не только теми мотивами, которые осознаются им, но и его собственными мотивами, которые находятся в сфере подсознания и о существовании которых человек может не знать, хотя, повторим, они определяют поступки людей. В аналитической психологии К. Юнга это положение общепринято, а юридическая практика знает множество примеров (см., например, работы А.Ф. Зелинского) неосознаваемых мотивов, которые получили наименование неопределенного умысла. При этом следует иметь в виду, что установка на какой-либо объект на уровне сознания может иметь один знак (например, отрицательный), а на уровне подсознания — другой. И тогда человек искренне говорит: "Я это осуждаю, считаю, что это плохо", а фактическое его поведение строится так, что проявляет его позитивное отношение к этому феномену. Возможно также одинаковое отношение к объекту и на уровне сознания, и на уровне подсознания (обычно здесь речь идет об общепринятых ценностях типа "друг", "любовь" или общепринятых антиценностях типа "враг", "преступник"). Но поскольку профессиональное поведение опытного специалиста во многом стереотипно (знакомые операции осуществляются "механически", "автоматически"), оно в значительно большей степени, чем мы полагаем,

¹⁵ Подробнее о тесте СОУЛ см.: *Панасюк А.Ю.* Обвинительный уклон в зеркале психологического исследования// Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 54—65.

регулируется подсознанием. Сознание же в этом случае лишь "объясняет" отличие поведения от осознаваемой установки. Следовательно, для выявления истинных детерминант того или иного акта поведения следует выявлять не только (и не столько) осознаваемые самим субъектом установки, но прежде всего те, которые определяют его поведение помимо его воли и желания (например, помимо желания "быть объективным"). Вот почему приведенные выше данные опроса судей следует рассматривать весьма критично: испытуемые предъявляли экспериментатору свои осознаваемые установки (в случае отсутствия умышленного обмана), которые не всегда совпадают с неосознаваемыми. Именно поэтому для исследования выбран инструмент, позволяющий выявить у испытуемого те установки, которые определяют его поведение и при этом не обязательно им осознаются. По этой же причине испытуемым при тестировании было сообщено, что изучается их ассоциативное мышление, что, впрочем, в определенной мере тоже соответствует действительности.

Все исследование состояло из трех этапов: на первом исследовались судьи (257 человек), на втором — по аналогичной программе — их коллеги (прокуроры, адвокаты), а также неюристы¹⁶.

При исследовании выборки судей (257 человек) определялась установка (знак — положительное или отрицательное отношение — и степень выраженности) на объекты разной категории: на те, к которым у большинства людей одинаковое отношение — либо положительное ("друг", "солнце"), либо отрицательное ("враг", "тяжелая болезнь", "слякоть"); ко второй категории были отнесены те объекты, с которыми испытуемые должны были бы себя отождествлять: "судья", "зональный судья", "я", "человек", "народный заседатель"; к третьей — объекты, связанные с судебным процессом (профессиональной деятельностью испытуемых): "адвокат", "прокурор", "подсудимый", "потерпевший", "свидетель"; к четвертой — объекты, обозначающие должностных лиц, с которыми судья вступает в общение менее часто: "начальник отдела юстиции", "начальник милиции", "глава администрации", а также объекты "власть" и "преступник".

В ходе тестирования — выявления действительных установок на эти объекты — по специальной компьютерной программе определялось: 1) каков знак установки у данного испытуемого на каждый из этих объектов, т.е. каково фактическое отношение — положительное или отрицательное; 2) какова степень выраженности этого отношения — в 36-балльной шкале: от +18 (максимально положительная установка на данный объект) до -18 (максимально отрицательная установка).

¹⁶ Исследование проводилось в середине 90-х годов и затем в более широком плане в 2003 году Е.А.Петровой.

6.4. Структура профессиональных установок судей (иерархия ценностей)

В табл. 1 представлены данные, полученные в группе судей. Объекты расположены иерархично: от тех, к которым самое положительное (по сравнению с другими) отношение, до объектов, к которым самое отрицательное отношение.

Группы	Исследуемые объекты	Баллы
I	Солнце	15,64
I	Друг	15,26
II	Человек	12,09
II	Судья	9,96
II	Я	9,47
II	Народный заседатель	8,37
II	Зональный судья	8,31
III	Адвокат	5,84
III	Свидетель	5,09
III	Следователь	5,07
III	Прокурор	4,34
III	Потерпевший	3,39
III	Хоз. руководитель	2,87
IV	Власть	1,74
IV	Нач. отдела юстиции	1,36
IV	Начальник милиции	1,04
IV	Глава администрации	0,57
V	Подсудимый	-6,71
VI	Враг	-8,91
VI	Преступник	-9,21
VI	Слякоть	-12,40
VII	Тяжелая болезнь	-15,53

Таблица 1. Иерархия профессиональных и общепринятых ценностей у судей (в баллах)

Методом составления вариационного ряда представленный в табл. 1 иерархический ряд ценностей разделился на 7 групп.

В I группу вошли объекты, являющие собой для судей наибольшую ценность (по сравнению с другими), к которым у испытуемых наиболее положительное отношение. Тот факт, что в эту группу вошли только общепринятые ценности ("солнце", "друг"),

указывает лишь на их доминирование у наших испытуемых над профессиональными ценностями.

В последнюю (самую "отрицательную") VII группу вошел только один объект — "тяжелая болезнь". По степени выраженности у испытуемых негативной установки на этот объект он заметно превосходит все остальные.

Общепринятые антиценности "слякоть", "враг", а также "преступник" составили в иерархии ценностей VI группу. Ко всем этим объектам у судей выраженное негативное отношение, что также естественно.

Как и можно было ожидать, второе место по значимости у испытуемых заняли объекты, с которыми судьи отождествляет себя: "судья", "зональный судья", "народный заседатель", "я" и "человек". Подобного рода эгоцентризм, вероятно, можно и объяснить, и оправдать.

III группу составили в основном участники судебного процесса: "адвокат", "прокурор", "свидетель", "потерпевший", а также "следователь" и "хозяйственный руководитель", который в иерархии ценностей судей оказался на границе между III и IV группами.

IV группу составили объекты, к которым у судей практически нейтральное или слабое положительное отношение. Диапазон оценок здесь — от 1,74 ("власть") до 0,57 ("глава администрации").

Итак, в I и VII группы вошли общепринятые ценности и антиценности; во II группу — объекты, которые отождествляются с личностью испытуемых, с их статусом; в III группу — объекты, с которыми у испытуемых тесные профессиональные контакты; в IV группу — лица, профессиональное взаимодействие с которыми для судьи менее актуально, чем с перечисленными выше. Все это соответствует выдвинутой гипотезе и еще раз дает весомое подтверждение тому, что разработанный вариант оценочных шкал теста СОУЛ позволяет исследовать иерархию ценностных ориентации. И лишь один объект в полученной иерархии ценностей и антиценностей судей занял место, которое не соответствует ожидаемому, — "подсудимый".

Не только профессионалы-юристы, но и неспециалисты в этой области знают, что подсудимый — это лицо, чья вина еще не доказана. Поэтому ожидалось, что судьи, для которых данное положение — азбучная истина, в оценке своего отношения к подсудимому должны быть нейтральны. Иначе говоря, на шкале отношений от +18 до -18 баллов этот объект с точки зрения закона и здравого смысла должен занимать нейтральное положение или близкое к такому (как, например, положение, которое занимает "глава администрации": 0,57).

Однако фактически негативное отношение судей к подсудимому (-6,7 балла) настолько отличается от их отношения к объектам "нейтральной" IV группы, что объект "подсудимый" занял отдельную У группу. Математический анализ показал, что отношение судей к подсудимому (степень негативизма — 6,71 балла) отличается от их отношения к нейтральному для них субъекту — "главе администрации" (0,57) статистически достоверно: с вероятностью более 0,999 можно утверждать, что в данной выборке различие в отношении судей к этим двум объектам не случайное, а высоко достоверное.

Следовательно, полученные данные о том, что судьи оценивают подсудимого не как лицо, чья вина еще не доказана, т.е. нейтрально, а близко к оценке "врага" или "преступника" (разность оценок "подсудимого" с "врагом" — 2,2 балла, с "преступником" — 2,5, а с объектом, отношение к которому нейтрально, — более 6 баллов), — это не результат случайно подобранной выборки, а закономерное проявление системы их отношений.

Позже было проведено еще одно тестирование по аналогичной программе. Средняя степень выраженности установки у судей этой группы (115 человек) на "подсудимого" — (-4,0), на "преступника" — (-8,0), при этом у 21% судей негативизм на "подсудимого" был более выражен, чем на "преступника".

Таким образом, результаты дополнительных исследований, где были иные испытуемые (судьи), с иным набором объектов (при сохранении ключевых для нашего исследования) с интервалом в несколько лет подтверждают результаты, полученные в ходе основного эксперимента: у обследованных судей доминирует негативное отношение к субъекту, подозреваемому в совершении преступления, виновность которого не установлена в порядке, предусмотренном законом.

Выводы, полученные на репрезентативной выборке (более 370 испытуемых) при помощи инструмента, высокая надежность которого обоснована специальным исследованием, разумеется, являются усредненными. Вероятно, у какой-то части испытуемых негативизм к подсудимому выражен весьма сильно, а у какой-то части — слабо либо вовсе отсутствует. Нами вычислено распределение испытуемых (в процентах) в зависимости от выраженности их установки *на подсудимого* — от весьма положительного (+18 баллов, но таковых не оказалось), до весьма отрицательного (-18 баллов). В целом только 16% судей (из 372) не относятся к любому подсудимому негативно. Следовательно, априорная отрицательная установка на подсудимого характерна для 84% судей.

Таким образом, примерно у 80% исследованных судей, выражено негативное отношение к подсудимому. При этом подсудимый оказался единственным среди других участников процесса, по отношению к которому у судей именно такая установка.

Обращает на себя внимание и следующее: 33% испытуемых относятся к подсудимому более негативно, чем к врагу, 21% — более негативно, чем к преступнику, а 17% испытуемых относятся к подсудимому более негативно, чем к врагу и преступнику одновременно, т.е. установки на слово "подсудимый" у них более отрицательные, чем установки на слова "враг" и "преступник".

Чем можно объяснить негативную установку судей на подсудимого (ибо одно упоминание слова "подсудимый" вызывает у них негативные ассоциации, равно как и упоминание слова "судья" — позитивные)? Поскольку при тестировании испытуемые (судьи) проективно выявляли свое отношение не к какому-либо конкретному подсудимому, к которому у судьи, как и у любого человека, может быть личная неприязнь, а к любому подсудимому, то негативное отношение судей к нему может быть детерминировано только одним фактором — процессуальным положением лица, которого следствие обвиняет в преступлении. Это дает основание утверждать, что выявленная негативная установка судей на подсудимых по своему содержанию должна рассматриваться как побуждение к обвинительному уклону, ибо другие мотивы, по которым более 80% судей негативно относились бы к любому подсудимому, неочевидны.

В юридической практике этот феномен известен; более того, юристы рассматривают его как явление, мешающее правосудию.

Если сопоставить юридический термин "обвинительный уклон" и психологический термин "обвинительная установка", то можно заключить, что выявленное в ходе исследования негативное отношение судей к подсудимому не имеет иной детерминанты, кроме факта обвинения следствием подсудимого.

6.5. Сопоставление установок судей с установками прокуроров и адвокатов

Является ли феномен "презумпция виновности" характерным только для судей или же эта установка присуща также иным работникам юстиции? Иначе говоря, обвинительный уклон — это следствие профессиональной деформации личности судьи как результат судебной практики (большинство испытуемых имели достаточный стаж работы судьей) или же следствие общей установки на подсудимого среди юристов?

Для ответа на поставленные вопросы проведено исследование еще двух дополнительных групп испытуемых — прокуроров (43 чел.)¹⁷ и адвокатов (28 чел.) по той же программе, что и исследование группы судей. В табл. 2 представлены фрагменты шкал иерархии исследуемых ценностей и антиценностей у прокуроров и адвокатов.

Исследуемые объекты	Судьи	Прокуроры	Адвокаты	Неюристы
Солнце	15,6	16,3	10,0	15,5
Друг	15,3	15,2	9,6	15,1
Человек	12,1	13,3	6,6	12,0
Адвокат	5,8	5,3	8,1	7,8
Судья	10,0	8,0	4,0	3,1
Прокурор	4,3	10,7	0,7	—
Подсудимый	-6,7	-9,4	-4,5	-7,8
Враг	-8,9	-12,3	-6,4	-12,0
Тяжелая болезнь	-15,4	-15,4	-8,4	-13,8
Преступник	-9,2	-9,9	-6,7	-14,8

Таблица 2. Сравнительная иерархия ценностей у юристов разных специальностей и у неюристов.

В принципе тот факт, что у прокуроров отношение к подсудимому резко негативное (-9,44), не вступает в заметное противоречие с официальным статусом прокурора в судебном процессе; если эту установку и можно назвать обвинительным уклоном, то ее существование объясняется официальным положением прокурора (хотя и он должен руководствоваться законом о том, что никто не может быть признан виновным иначе как по приговору суда). Поэтому признаем естественным, что прокурор имеет более выраженную негативную установку на подсудимого, чем судья.

Большее удивление вызывает негативная установка на подсудимого у адвокатов. Хотя она выражена слабее (-4,54), чем у судей (-6,71) и тем более у прокуроров (-9,44), результаты таковы: у большинства исследуемых нами адвокатов также наблюдается негативная установка на подсудимого. Юристы, с которыми автор консультировался по данному факту, нашли практически однозначное объяснение этому. Однако нас больше

¹⁷ Работники городского и районного масштаба.

интересует тот факт, что обвинительный уклон, установка на подсудимого как на преступника — это характерно не только для судей, но и для других юристов, участвующих в судебном разбирательстве. Причем судьи по этой характеристике занимают промежуточное положение между прокурорами, имеющими более выраженную установку на обвинение, и адвокатами, у которых эта установка слабее.

6.6. Обвинительный уклон у судей: "норма" или "патология"?

Как следует из полученных на репрезентативной выборке судей валидным методом данных, подавляющее большинство судей априори смотрят на подсудимого как на лицо, совершившее вменяемое ему следователем преступление. Иначе говоря, более 80% судей "заражены" обвинительным уклоном. И сразу же возникает законный вопрос: как с этим бороться, как "лечить"?

Однако прежде чем "прописывать" лекарство (а психологическая наука располагает большим арсеналом средств психотерапевтического воздействия на психологические установки), вероятно, следует выявить причины этого явления, с тем чтобы воздействовать не на следствие, а на детерминанты.

"В этом безусловно виноваты и сами судьи"; "все определяется позицией самого судьи, его отношением к участникам процесса"; "если судья будет объективным, то не будет и обвинительного уклона" — таков взгляд многих юристов (судей в том числе) и неюристов на фактор "необъективности" судей. Отсюда и традиционные "рецепты": необходимо формировать правосознание судей, убеждать судей быть беспристрастными и объективными. Но это — паллиатив, поскольку возникновение обвинительной тенденции у судей не зависит от их воли, желания или нежелания быть объективным! Для подобного утверждения есть все основания: механизм формирования фиксированных установок (аттитюда), как правило, не поддается контролю сознания субъекта.

Опуская теоретический анализ этого механизма, проиллюстрируем его действие на практике. Предположим, что контакт с такой-то категорией людей (определенной профессии, или социального положения, или возраста, или пола, или определенного имиджа...) всегда (практически всегда, за редким исключением) приводит к таким-то результатам (приятно, или неприятно, или с выгодой, или с ущербом, или...). В результате таких многочисленных совпадений (собственного опыта, нередко подтверждаемого и опытом наших знакомых) у нас вырабатывается как бы условнорефлекторная связь (реакция на таких людей): человек данной категории — такой-то результат (ощущение). Со временем эта связь вырабатывает у нас определенный стереотип поведения в отношении людей данной категории, что позволяет реже ошибаться в прогнозировании,

допустим, их поведения (в этом достоинство наших стереотипов). И тогда при встрече с очередным представителем данной категории мы знаем, как себя вести, ибо мы уже "привыкли" к появлению таких-то результатов. И мы готовы к ним, готовы действовать определенным образом. "Готовы" — это и есть сущностная характеристика (фиксированной) установки, которая формируется по этому механизму: частое совпадение двух явлений — условнорефлекторная связь — стереотипная реакция — готовность реагировать при очередном возникновении одного из явлений. Каждый читающий эти строки знает данный механизм по собственному опыту. Теперь перенесем этот алгоритм формирования любой психологической (фиксированной) установки на возникновение ее частного вида — обвинительной установки.

Судья видит подсудимого (или пока — обвиняемого). О чем говорит личный профессиональный опыт судьи (и плюс опыт его коллег, его знакомых)? Он свидетельствует: в подавляющем большинстве случаев люди, которых следствие обвиняло в преступлении (т.е. люди из категории "подсудимые"), оказывались преступниками на самом деле. Исключение может быть в одном случае из 100 (или реже). Следовательно, в сознании судьи (а может быть, в подсознании?) вырабатывается условнорефлекторная связь между двумя явлениями: появление подсудимого — появление преступника. Эта условнорефлекторная связь, формируемая помимо воли человека, образует определенные стереотипные реакции судьи на любого подсудимого. Поэтому при встрече с очередным представителем данной категории людей ("подсудимыми") у судьи уже есть стереотипная реакция, которая возникла вполне естественно, по всем законам психологии, независимо от его "морального облика", независимо от того, холерик он или сангвиник, мужчина или женщина и т.п.

Стереотипы формируются как реакции на условный рефлекс, который, в свою очередь, формируется в зависимости от частоты совпадений явлений. Частота же зависит от опыта самого субъекта и интериоризированного им опыта людей из ближайшего окружения.

Следовательно, обвинение судьи в том, что его психика функционирует по законам психологии, психофизиологии, нейрофизиологии, необоснованно. Не следует винить его в том, что у него выработалась стереотипная негативная реакция на подсудимого, в том, что у него обвинительный уклон. Только у людей с нарушенной психикой их личный опыт не ведет к формированию стереотипных реакций. И еще у одной категории людей, о чем речь ниже.

Кроме фактора "частота совпадения явлений" (личного опыта), включающего механизм образования обвинительной установки, на возникновение последней влияет психогенный фактор — закон.

Современное законодательство все еще построено таким образом (несмотря на многочисленные коррективы последнего времени), что следование ему не может не сформировать у судей обвинительной установки до начала рассмотрения дела по существу. Основание для подобного утверждения — в психологическом анализе ряда уголовно-процессуальных норм.

Этот анализ нормативных текстов показал: и современные нормы УПК все еще выступают в качестве психогенного фактора, детерминирующего возникновение у судьи (еще до выяснения всех обстоятельств в ходе состязания сторон) определенной позиции, мнения, точки зрения, т.е. оценочной установки. И такая позиция должна сложиться при анализе материалов только одной стороны. Избежать ее возникновения можно лишь одним способом: читая эти материалы, иметь заранее негативную установку на результаты, представленные в обвинительном акте. Так и поступают многие из тех 20% судей, у которых не выявлена при тестировании обвинительная установка. Они сообщали психологу, что изначально "скептически", "с недоверием" относятся к аргументам, представленным в обвинительном акте (заключении). Правда, при этом они не выполняют требования некоторых статей УПК.

И еще один фактор способствует формированию у судьи негативизма к подсудимому. Его следовало бы назвать "социальным", поскольку судья является не только профессионалом-юристом, но и членом общества. В этой связи представляет интерес вопрос: как относятся к подсудимому неюристы? По описанной выше программе проведено тестирование 30 испытуемых (бухгалтеров, библиотекарей, других неюристов) с предварительным информированием их о правовом статусе обвиняемых, подсудимых, преступников и т.п. Полученные результаты показали (табл. 2), что и у неюристов также выражена негативная установка на любого подсудимого (-7,8 балла).

Подобная оценка подсудимого неюристами в данном случае базируется не столько на личном опыте, наблюдениях за трансформацией "подсудимого" в "преступника" (как у судей), сколько на укоренившейся в обыденном сознании членов нашего общества установке типа: "если взяли — значит, за дело". Подобная установка имеет глубокие корни в общественном сознании, происхождение ее следует искать в истории становления нашего государства.

Большой интерес представляет сопоставление иерархических структур всех четырех категорий испытуемых. Оказалось, что неюристы меньше всего отличаются по

своим установкам от прокуроров (сумма разностей баллов равна 21,7), а больше всего — от адвокатов ($d = 40,1$). Иначе говоря, по своему отношению к перечисленным объектам они ближе к прокурорам, чем к адвокатам.

Таким образом, возникновение обвинительной установки судей опирается как бы на три основания: одно — генетически более раннее (как результат воспитательного воздействия общества тоталитарного режима), объединяющее юристов и неюристов. Два других — более поздние: одно — на студенческой скамье (при формировании уважения к закону), а другое — в кресле председательствующего.

Из сказанного следует: нельзя винить судей в существовании у них (в их подсознании, а иногда и в сознании) негативного отношения к подсудимому, которое возникает часто помимо их воли. Более того, примерно половина из этих судей искренне не подозревала наличия у них такой психологической установки и убеждалась в этом только после беседы с психологом. Но подсудимому от этого не легче. Снять обвинение в субъективности с судьи — не значит оправдать его объективные стереотипные реакции на подсудимого. Отсюда третья проблема — после диагностики (установления факта распространенности "болезни"), после определения генезиса (установления причин, не зависящих от самих судей) — проблема нейтрализации (не предупреждения!), инактивации (не уничтожения!) обвинительной установки. Нельзя сознанием подавить то, что действует помимо сознания (кроме психоанализа — вида психотерапии). Но эта тема требует особого разговора.

* * *

Подведем итоги сказанному. Несмотря на отрицание большинством судей обвинительного уклона в их практике, в настоящем исследовании экспериментально доказано, что более 80% судей априорно рассматривают любого подсудимого как преступника (безотносительно к существу дела). Данный феномен зарегистрирован на репрезентативной выборке инструментарием, надежность и обоснованность которого прошла соответствующую апробацию и экспертизу специалистов.

Возникновение обвинительной установки в структуре ценностных ориентации личности судьи детерминировано факторами, влияние которых практически не контролируется сознанием судей. Наличие обвинительного уклона не определяется какими-либо характерологическими (или моральными) особенностями личности судьи. Более того, в сложившейся практике отсутствие обвинительного уклона — исключение из правила.

Объяснение возникновения обвинительной установки у судей не тождественно оправданию существования подобного явления, с которым, безусловно, необходимо

бороться, но средствами, которые вытекали бы из психологической сущности феномена. Анализу этих средств может быть посвящена специальная работа. Но эти рекомендации могут оказаться неэффективными, если сохранять прежние взгляды: обвинительный уклон — это редкое явление, вызванное недобросовестным отношением судьи к своим обязанностям.

ЛЕКЦИЯ 7. ВЕЛИЧАТЬ ЛИ ПОДСУДИМОГО ПО ИМЕНИ-ОТЧЕСТВУ?

7.1. Есть ли проблема?

Прежде всего: де-юре проблемы нет, де-факто – есть.

Ни в одной процессуальной норме не указано, следует ли председательствующему судье обращаться к участникам процесса (в том числе и к подсудимому) так или иначе (например, называть или не называть подсудимого по имени-отчеству). Однако психологическая наука полагает, что то или иное обращение к человеку, в том числе и в системе профессиональных отношений, а значит, и в ходе судебного заседания (обращение по имени-отчеству или только по процессуальному положению, например, «подсудимый», «свидетель» и т.п.) может оказывать существенное влияние на эффективность взаимодействия в ту или в иную сторону.

Поставленный в названии лекции вопрос проявляет две ниже представленные формы обращения судьи к подсудимому:

...Подсудимый, встаньте. Вам предоставляется возможность изложить...
 ...Подсудимый, прошу говорить только по существу рассматриваемого дела, а не о Ваших личных...

...Подсудимый, встаньте. Петр Николаевич, Вам предоставляется возможность изложить...
 ...Петр Николаевич, прошу говорить только по существу рассматриваемого дела, а не о Ваших личных...

Наиболее наглядно подобное разделение судейского сообщества на две части (и сразу скажу – неравные) демонстрируется двумя судебными «сериалами» на центральных каналах: на первом в передаче «Федеральный судья», и на втором в передаче «Суд идет», где один судья – С. Пашин – демонстрирует склонность к широкому использованию имя-отчества при обращении к процессуальным лицам (в том числе, разумеется, и при обращении к подсудимому), и где второй – Б. Тарасов исповедует прямо противоположный принцип обращения ко всем участникам заседания.

- Ну, так это же игра, уважаемый профессор!

- Не буду спорить, важно другое: когда Ваш покорный слуга обсуждал на лекциях с Вашими коллегами – другими судьями - вопрос, называть ли подсудимого по имени-отчеству или только по его процессуальному положению, в самом начале подавляющее

большинство слушателей-судей четко придерживались определенной позиции, той, которую демонстрирует в сериале Б. Тарасов.

- Ну и что же в этом особенного?

- Вот и Ваши коллеги поначалу недоумевали по поводу постановки самой проблемы назвать ли участников процесса по имени-отчеству, как это демонстрирует судья С. Пашин. А потом.. Но лучше все по порядку.

7.2. О психологическом приеме «Имя собственное»

Представьте такую ситуацию. В коридоре некоего учреждения встретились и поздоровались два сотрудника этого учреждения. При этом один из них («А») сказал: «Доброе утро, Петр Захарович», а другой («П») – «Доброе утро». Вопрос: кто из них, вероятнее всего, начальник — А или П? Слушатели нашей Академии¹⁸ (крупные министерские начальники) довольно легко решают эту задачу — конечно, говорят, П, т. е. Петр Захарович. Легко решили, исходя из собственного жизненного опыта. А он — этот опыт — свидетельствует: когда встречаются начальник и подчиненный и здороваются, то подчиненные к словам “доброе утро” или “здравствуйте”, *как правило*, добавляют имя-отчество своего начальника; а начальники, хотя и знают, как зовут подчиненного, *как правило*, этого не делают (безусловно, из любого правила есть исключения. Но исключение потому и исключение, что встречается редко. Чаще бывает “как правило”. Вот почему наши слушатели легко решили эту задачу: чаще они были свидетелями именно такого положения: “Доброе утро, Петр Захарович!” — “Доброе утро!” Ну, так уж у нас принято.

Спрашиваю слушателей: а почему у нас так принято? И разворачивается (каждый раз одна и та же — стереотипная) дискуссия:

— А потому что люди по-разному воспитаны: одни — вежливы, другие — нет.

— Допустим на минуточку, что Вы правы: обращение по имени-отчеству — показатель воспитанности. Но тогда вроде бы получается (помните, мы говорили: “как правило”), что большинство начальников менее воспитанны, чем большинство подчиненных?

— А почему бы и нет! *(Весьма любопытная и примечательная ответная реакция, примечательная тем, что вскрывает неосознаваемую установку этого слушателя на всех «власть имущих»)*

— Допустим. Хорошо. Однако как тогда объяснить, что тот же Петр Захарович, когда поднялся на третий этаж и встретил там своего начальника, сказал: «Доброе утро,

¹⁸ Российской правовой академии.

Василий Иванович!?” И вроде поступил как тот его подчиненный, которого мы — по Вашей классификации — записали в “вежливые”. Но если человек вежлив, воспитан, он, как Вы сами понимаете, и в Африке тоже будет вежливым. Вероятно, Вы (*обращаюсь я к этому слушателю*) были в цейтноте, отвечая на мой вопрос, и поэтому сработал обычный стереотип. Это с нами бывает, когда нет времени для обдумывания¹⁹. Нет, все-таки, вероятнее всего, дело не в невоспитанности и не в вежливости.

— Ну ладно, не в вежливости. Просто так принято.

- Верно, конечно, так принято, полностью с Вами согласен! (*Надо подкрепить: он отступил и я не «добиваю» а зачем?») Вот поэтому я и спрашиваю: а почему так принято? (Как ни в чем не бывало вернулись в исходную точку.)*

— Ну наверно, таким образом человека располагают к себе. (*Эта реплика —уже другого слушателя.*)

— Ну, что ж, и эту гипотезу подвергнем испытанию, прежде чем отбросить ее или принять.

Впрочем, у Вас (*обращение к этому, другому слушателю*) есть серьезная опора для такого утверждения в лице весьма авторитетного в нашей стране на рубеже 80-90-х годов прошедшего века Дейла Карнеги. По мнению этого автора нескольких популярных в свое время в нашей стране книг, звучание собственного имени для слуха человека — это самая приятная мелодия. Но это *мнение* Д. Карнеги, его, так сказать, *тезис*. А как известно, чтобы тезис был принят, необходима аргументация в его обоснование. Впрочем, вполне возможно, что для кого-то Карнеги настолько высокий авторитет, что любые его тезисы принимаются априори. Но есть и другая вероятность — вероятность того, что не каждый читающий его книги с описанием красивых (правда, красивых!) *примеров* готов принять излагаемые в них рекомендации априори, без доказательств.

Итак, действительно ли звучание собственного имени является для человека тем сигналом, который отвечает двум требованиям для формирования аттракции, т.е. расположения человека к себе: а) не фиксироваться в сознании собеседника и б) вызывать чувство приятного (пусть и не всегда осознаваемого настолько, чтобы об этом *думать*)?

Посмотрим. А для этого давайте проиграем следующую ситуацию.

Предположим, Вам необходимо какого-либо человека уговорить, чтобы он для Вас сделал что-то такое, что он делать не обязан. Ну, допустим, вот секретарь, которую Вы хорошо знаете, и она Вас тоже хорошо знает. Но она не Ваша секретарь и не обязана на

¹⁹ Использован прием, о котором мы не говорили и, наверное, не будем говорить (всего не объять), — прием “спасения лица” (собеседника). Он понял, что провалился, и сейчас у него должна сработать психологическая защита, сейчас он бросится защищаться (ему надо сохранить свое лицо). Но из этой моей фразы следует, что я не только не собираюсь его “добивать”, но и оправдываю его.

Вас работать, а Вам позарез необходимо перепечатать одну страничку документа. Вот примерно что и как в таких случаях говорят: “Верочка, пожалуйста, я Вас очень прошу — всего-то одну страничку... Нет, Вера, я знаю, что Вы не обязаны для меня это делать... Но пожалуйста, по старой памяти, Верочка, а? Ведь для Вас, такой профессиональной “пулеметчицы”, это же буквально три минуты. А, Верочка?” Нормальная ситуация, нормальные фразы (во всяком случае, наши слушатели с этим согласны), все, как бывает в жизни.

И вот вопрос: когда Вы ее вот так уговаривали, когда Вы ей все это говорили, слышала ли она при этом свое имя? Да, конечно, слышала (в том смысле, что рецепторы слуха реагировали и на это слово — “Верочка”). Тогда следующий вопрос: слыша таким образом свое имя, *думала* ли она при этом примерно так: “Ах, меня называют по имени, ах, как это приятно!”? Определенно нет (ибо Вы всегда ее так называли — ничего нового, а значит — и нечему удивляться). А думала она скорее всего о том, печатать или не печатать (“Вечно у них все быстрее, стакана чая выпить не дают” - ворчливо, но не злобно, вы же старые знакомые. Или: “Все они спешат, все у них срочно, что за люди!”) Вот что скорее всего было у нее в мыслях, в сознании — скажем мы. Но для нас важно следующее: в ее сознании факт произнесения ее имени не фиксировался; она слышала и... не обращала внимания.

(Вот если бы так: Вы всегда ее называете Верочкой, а тут вдруг подходите и говорите: “Вера Васильевна, не смогли бы Вы...”, и тогда бы в ее *сознании*: «А что это он вдруг меня Верой Васильевной? Ага, наверное, ему надо что-то, ишь как заговорил — «Вера Васильевна» — точно что-то надо”. Все! Дошло до сознания, а значит это уже не тот сигнал, который мог бы вызвать необъяснимое (для самого человека) притяжение, т. е. аттракцию, расположить эту Верочку к себе. Нам- то ведь нужно, чтобы у нашего собеседника появилось позитивное чувство к нам на иррациональном²⁰ уровне.)

Ну а в приведенном нами ранее примере Верочка слышала свое имя, но не фиксировала его в своем сознании. Это примерно так же, как если Ваш коллега о чем-то Вас просит, называя Вас обычным образом, Вы же фиксируете свое внимание на содержании его просьбы, а не на своем имени. Так и с этой Верочкой.

Следовательно, когда мы, разговаривая с собеседником, произносим при этом вслух (обычным образом) его имя, то этот сигнал сознанием собеседника обычно не фиксируется. Значит — делаем мы вывод — этот сигнал («собственное имя») отвечает

²⁰ Обоснованию чего посвящена целая глава в книге: *Панасюк А.Ю.* Как убеждать в своей правоте: Современные психотехнологии убеждающего воздействия. 3-е изд. М.: Дело, 2004.

первому требованию к сигналам для расположения людей к себе — не фиксироваться в сознании.

А отвечает ли он второму требованию (не менее, если не более, важному) — быть “приятным”, т. е. вызывать чувство приятного?

— А Вы знаете, я никогда не замечал, что мне приятно, когда коллеги произносят мое имя, обращаясь ко мне зачем-либо.

Замечу: подобная реплика тоже весьма типична для начинающих овладевать этими приемами. Вот уже и Карнеги не принимается априори (а он утверждает, что звучание собственного имени — это приятная мелодия практически для любого человека). Тогда: есть ли аргументы, доказывающие, что звучание собственного имени вызывает приятные чувства?

...Вы едете в автобусе, не очень переполненном. Кто-то сзади слегка коснулся Вашего плеча. Вы оборачиваетесь: незнакомый человек говорит Вам: гражданин, Вы не подскажете, где мне выйти, чтобы?..” Это к Вам обратились со словом “гражданин”. Значит, это Ваше имя, как и многих миллионов других людей в нашей стране. Откликаемся ли мы на это имя? Да, как правило, откликаемся. Вот и Вы откликнулись - объяснили этому человеку, где ему надо выйти (или извинились, что не знаете). Но вот вопрос: вызвало ли у Вас это имя чувство приятного? Даже если Вы начнете очень тщательно анализировать свои чувства, вряд ли обнаружите в таком обращении что-либо приятное.

— Так ведь это же не *мое* имя! Точнее, у меня есть свое собственное, а это — “общественное”!

— А Ваша фамилия — тоже собственная, как имя? Ведь в нашей стране определенно есть еще тысячи людей с такой же фамилией (как и множество людей, у которых имя — “гражданин”) и десятки тысяч людей с таким же именем, как Ваше. Впрочем, извините, мы чуть отклонились от темы: “есть ли чувство приятного от этого имени?”

— Конечно, нет, даже, может быть, совсем наоборот.
- Хорошо. Значит, *это* никаких приятных чувств у людей не вызывает? Согласен. Тогда еще одна ситуация, почти такая же.

...Вы едете в автобусе... Кто-то сзади слегка коснулся Вашего плеча. Вы оборачиваетесь: незнакомый Вам человек говорит (с той же вежливой интонацией, как и в первом примере): “Извините (*пауза*) (*а затем называет Вас вдруг по имени-отчеству*)... Николай Николаевич, Вы не подскажете, где мне выйти, чтобы?..” Понятна ситуация? Хорошо. Тогда комментарий. Паузу после слова

“извините” он сделал потому, что был в небольшом замешательстве, неожиданно встретив Вас — знакомого человека — здесь. Это — раз. А во-вторых — вопрос: Вас удивило такое обращение к Вам незнакомого Вам человека? Вероятно, да, ибо Вы не Александр Малинин (представьте его в автобусе!) и не Анатолий Чубайс (даже и представить невозможно), а посему к такому вниманию не привычны. Вот если бы это был молодой человек, а Вы профессор в институте, где тот учится, тогда понятно: это, вероятно, один из Ваших студентов, которых всех в лицо, конечно, не запомнить. Но Вы не профессор, а незнакомец совсем не студенческого возраста. Посему это и удивило Вас. Это — два. А теперь — главное: скажите (*обращаясь я к своим слушателям*) — это Ваше удивление было бы скорее с каким знаком: с “плюсом” или с “минусом”?

- Конечно, когда к тебе обращаются по имени, а не просто “гражданин” — это все-таки приятнее. Тем более когда слышишь это от незнакомого человека, когда тебя вот так узнают на улице, словно ты известная личность. С “плюсом” конечно, с «плюсом». Но зато от своих — я что-то не замечал, чтобы у меня возникало такое ощущение приятного, когда они меня называют по имени.

— Говорите: “не замечал” — значит, не осознавали. И это естественно (физиологи говорят, что это из-за адаптации психики к постоянному сигналу — психика “привыкает”). А замечаем только тогда, когда этот сигнал возникает в нетипичной для его появления ситуации (в автобусе незнакомый — и вдруг по имени-отчеству), либо тогда, когда этого сигнала нет в той ситуации, в которой он должен быть.

- Скажите (*продолжаю я диалог*), может человек ошибиться, например, в названии улицы в незнакомом городе, допустим, перепутал и вместо Васильевской сказал Владимирская?

— Да, конечно.

— Есть ли в этом какой-либо “криминал”, т. е. будете ли Вы осуждать человека за это?

— Определенно нет.

— Вызывает ли у Вас это чувство неприятного?

— Вы знаете, я ведь и сам в незнакомом городе могу ошибиться в названии улицы. Так почему же это должно вызывать у меня неприятное чувство, если человек оговорился, ошибся в названии?

(*Так примерно разворачиваются диалоги с моими слушателями.*)

— А теперь вспомните, как некий человек, вместо того чтобы назвать Вас Вашим именем (допустим, Вас зовут Виктором Николаевичем), назвал Вас Владимиром

Николаевичем. Каково Вам при этом там — в душе: приятно, совершенно безразлично или немножко неприятно?

— Ну, в общем-то не очень приятно.

И понятно почему, хотя человек просто оговорился (как оговорился, назвав улицу Владимирской вместо Васильевской). Мы, конечно, *понимаем*, что человек оговорился (Виктор и Владимир — имена в чем-то созвучные: и там и там на “В”, и там и там есть “р”), а все равно как-то неприятно (хотя, разумеется, мы и виду не подадим). Это, знаете, примерно так же, как если в переполненном автобусе: одно дело, когда Вас толкнули, задев плечо, а другое — когда задели по лицу. И в том и в другом случае — непреднамеренно, но... лицо не рядовая часть тела, ибо “лицо” и “личность” не просто одного корня. Так и слово, обозначающее *имя*: перепутал название (*имя*) улицы (хотя я только что ему назвал) — одно, а перепутал мое название (*имя*), хотя я тоже только что ему его назвал — совсем другое — не очень приятно.

И получается, что мы не осознаем чувства приятного, когда в обычной ситуации произносят обычным образом наше имя, но тотчас же осознаем чувство неприятного, когда наше имя искажают (когда мы не получаем то, к чему привыкли). Значит, понятно, почему не замечаем чувства приятного от звучания собственного имени из уст наших близких — привыкли к этому “сладкому” и уже не ощущаем (точнее — ощущаем, но не осознаем) этот “вкус”.

- Простите, как Вас величать? (*Спрашиваю на занятиях одного из слушателей. При этом выбираю наиболее стеничного, т. е. достаточно эмоционально устойчивого.*)

- Вениамин Михайлович, а что?

— Да нет, я хотел узнать... Хотя, надо же, какое совпадение! Только перед этой лекцией у меня был очень неприятный разговор с одним человеком, и звали его тоже Вениамин Михайлович. А разговор был неприятным, потому что этот человек опять кляузничал, опять кого-то подозревает, вечно у него кругом враги, прямо какой-то психопат...

Надо было видеть лицо этого слушателя (Вениамина Михайловича) в этот момент: оно постепенно вытягивалось, напрягалось, улыбка, которая была в самом начале нашего диалога, исчезла... Слушатель начинал испытывать явно отрицательные эмоции²¹. И тоже понятно: хотя это и простое совпадение (слушатель разумом знает, что среди его

²¹ Потом я не только сказал, что это был «учебный пример», но и с помощью специальных приемов инактивировал (нейтрализовал) эти его эмоции (благо слушатель — а не слушательница! — был достаточно эмоционально стабильным человеком (стеничным), мог легко включить свое рации, т. е. понять, что это надо было профессору «для науки» (для учебы), так почему бы в не пожертвовать несколькими секундами отрицательных эмоций?! Ибо понимает, что не только искусство, но и наука требует жертв). Поэтому расставание у нас было тогда самое сердечное.

“полных” тезок могут быть и плохие люди), но *почему-то* ему это слышать было неприятно. Ясно почему — для него словосочетание “Вениамин Михайлович” ассоциируется только с положительными эмоциями.

И снова, как это следует из последнего примера, получается, что звучание собственного имени действительно вызывает чувства приятные, хотя люди этого и не замечают (замечают, когда теряют). А следовательно, этот сигнал отвечает и второму (а не только первому) требованию к сигналам, формирующим аттракцию: он является для человека желательным, вызывает приятные ассоциации, приятные чувства.

А значит, прав был тот слушатель, который на вопрос “почему так принято” (помните пример встречи начальника — Петра Захаровича — и его подчиненного?) выдвинул гипотезу: “наверное, таким образом располагает к себе своего начальника”.

И значит, действительно, если при общении с человеком произносить (время от времени, но не переборщить) его имя или имя-отчество, то в подсознании человека определенно будет формироваться положительное отношение к источнику этой «приятной мелодии». Вот на этом принципе и построен психологический прием расположения людей к себе, прием, получивший название «Имя собственное»²².

7.3. Зачем людей располагают к себе?

И добавим: зачем психологи учат специалистов использовать приемы расположения к себе, приемы формирования аттракции?

Прежде всего: этому учат специалистов системы «человек – человек», т.е. тех, кто работает с людьми, и для кого воздействие на людей - производственная необходимость (воздействовать, разумеется, не физически, а словом).

Обращаюсь к таким специалистам (слушателям нашей Академии) со следующим вопросом:

- Всегда ли люди делают так, как Вы им говорите (*речь идет о служебных отношениях*)?

- Нет, не всегда.

- Понятно. А Вы хотели бы, чтобы они делали так, как Вы им (по службе) говорите? Ну, например, Вы говорите посетителю, чтобы он принес на следующий прием такие-то документы; когда Вы ему такое говорите, Вы хотели бы, чтобы он так и сделал?

- Конечно.

- А, наверное, не всегда так делают?

²² Более подробно о нем см. в упомянутой выше книге «Как убеждать в своей правоте. Современные психотехнологии убеждающего воздействия» (стр. 170-207).

- Не всегда и не из-за памяти; иногда начинают спорить, обзывать «бюрократами» и т.п.

- То есть, понимают, но не принимают Ваши слова, так?

- Ну, в общем-то, так.

- Понятно. И если бы принимали, т.е. внутренне с Вами соглашались бы, то тогда делали бы так, как Вы им говорите; и это касается не только посетителей, но и Ваших подчиненных, и других людей, которые должны делать то, что Вы им говорите, так?

- Да. Конечно.

- Ситуация понятна и... разрешима. Есть, оказывается средство, как сделать, чтобы люди чаще принимали Ваши слова, чем не принимали бы.

Представьте: перед Вами два человека: один из них («А») относится к Вам очень хорошо, чуть ли не влюблен в Вас, а другой («Б») относится к Вам резко отрицательно. Так вот, при прочих равных условиях, какого из них Вам легче уговорить что-либо сделать, какой из них легче примет (а не только поймет) Ваши слова, легче согласится с ними?

- Ну ясно, кто – «А», который хорошо относится.

- Прекрасно. Ваш жизненный опыт, на основе которого Вы правильно решили эту задачу²³, полностью совпадает с психологической наукой, которая обосновала следующей закон принятия:

«При прочих равных условиях люди легче принимают позицию того человека, к которому относятся эмоционально положительно (от простого уважения через симпатию до влюбленности); и наоборот, труднее принимают (даже отрицают) позицию того человека, к которому относятся эмоционально отрицательно.»

Отсюда становится понятным и бытующее в народе выражение «любовь слепа»: когда человек влюблен (по-настоящему), он – в силу указанного психологического закона принимает все, чтобы ему не говорил тот, в кого он по-настоящему влюблен, принимает, т.е. внутренне соглашается. Кстати, в силу этого же закона и ненависть – тоже слепа: когда человек ненавидит, он все с порога отвергает, ничего не принимает.

Итак, чтобы человек легче принимал позицию другого, нужно, чтобы работала первая половина этого психологического закона, нужно как просто расположить этого человека к себе – как минимум вызывать к себе уважение, как максимум – влюбить его в себя (все зависит, насколько важно расположить, насколько важно, чтобы он делал то, что Вы ему говорите).

²³ А ее так же правильно решают практически все слушатели, с которыми мы проигрывали эту ситуацию, будь то руководители, бизнесмены, учителя или даже студенты (правда, старших курсов, не первокурсники, вчерашние школьники).

Вот для этого и обучают психологи специалистов системы «человек - человек» приемам расположения людей к себе. И один из этих приемов – прием «Имя собственное», суть которого в том, чтобы при общении с собеседником время от времени произносить вслух его имя или имя-отчество. И тогда собеседник невольно будет испытывать к Вам положительные эмоции (на уровне подсознания), а значит, легче будет принимать то, что исходит от Вас, Ваши слова, указания, распоряжения, просьбы...

- Простите, но а нам-то, судьям, для чего все это? Что, располагать подсудимого к себе? Смешно ведь, а?

- Если Вы, Ваша честь, подумали, что я забыл о Вас, то, конечно же, нет. Я все время, рассуждая о необходимости располагать людей к себе, о приеме «Имя собственное», думал о Вас, ибо, как-никак, а Ваша профессия тоже ведь входит в систему «человек – человек»...

- ...Только она имеет специфику, какой нет ни в одной другой профессии.

- Согласен. И именно поэтому специально будем говорить о судьях, и даже отдельно о «цивилистах» и о «криминалистах»²⁴

7.4. Какие «процессуальные фигуры» можно называть по имени-отчеству?

Дорогой мой читатель, продолжить чтение можно, написав об этом автору - профессору Панасюку Александру Юрьевичу - на 08-11-40@mail.ru

²⁴ Кто вдруг не знает: так на судейском сленге называют судей, которые преимущественно рассматривают гражданские дела («цивилисты»), и судей, которые преимущественно рассматривают уголовные дела («криминалисты»).